

Михаил Салтыков-Щедрин

Испорченные дети

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
Испорченные дети

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319512

Содержание

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Испорченные дети

*Предисловие, объясняющее происхождение
одного литературного общества*

Вдова действительного статского советника и кавалера, Катерина Павловна Младо-Сморчковская, рожденная княжна Пустодомова, имела четверых сыновей-погодков: Гришу, Сережу, Ваню и Пашу. Всех их она, разумеется, предназначала для самой блестящей будущности. Она была бы, например, очень рада, если б хоть один из них вышел чем-нибудь вроде Суворова, и надо сказать правду, что маленький Ваня до некоторой степени даже оправдывал материнские мечты. Он не любил никакой игры, кроме игры в солдатики, отвращался от всяких игрушек, кроме оловянных кавалеристов и пехотинцев, терпеть не мог никакой мелодии, кроме мелодии барабана; наконец, ел и пил всякую дрянь. Однажды, засмотревшись на маленького Ваню, как он маршировал и какие трудные переходы заставлял делать своих оловянных одноклассников, Катерина Павловна до того забылась, что воскликнула: «Иди! спасай царей!» [1] (*Комментарии смотри в*

конце рассказа) Конечно, она сама сейчас же опомнилась и порядком-таки струхнула, но, к счастью, в то время никого, кроме Вани, в комнате не было, и происшествие это осталось без последствий. Но, с другой стороны, она понимала и то, что Суворов был всего на все один и что, следовательно, четверым одну вакансию занять никак нельзя. Поэтому она была не прочь удовольствоваться для других сыновей и просто солидной административной карьерой, которая хотя и не поражала бы таким блеском, как карьера военная, но зато обещала бы более прочности и обеспеченности в будущем. Сказать ли правду? к административной карьере у нее даже больше лежало сердце, нежели к военной...

Чтобы понять причину этого последнего предпочтения, необходимо сказать, что покойный муж Катерины Павловны был, в начале нынешнего столетия, несколько лет сряду, губернатором в одной из самых хлебных губерний России. На этом месте он достиг всего, что только человеческому желанию доступно. В глазах начальства он славился строгостью и скоростью; глаза откупщиков ослеплял неупустительностью во взимании даней; в глазах предводителей дворянства имел то ни с чем не сравнимое качество, что держал лучшего повара в целой губернии и откармливал дома совершенно невиданных поросят. Таковы были гражданские доблести покойного. Но были, однако ж, и военные. Катерина Павловна очень хорошо помнила, как ее Иван Григорыч делал походы против бунтовщиков и недоимщиков, как он

не подвергался при этом ни малейшей опасности и как, за всем тем, из каждого похода возвращался обремененный добычею [2].

«Разграбив имущества, предав селения в жертву пламени, уничтожив пажити и надругавшись над женами и девами, они (печенеги) возвращались восвояси, обремененные добычею», – вспоминалось при этом Катерине Павловне из ее далекого институтского прошлого.

– Конечно, все это прекрасно, – мысленно прибавляла она в заключение, – и слава и лавры! однако с печенегами все-таки покончили, – и где теперь их добыча! – а мой Иван Григорьич и умер-то своею смертью, да и из добычи кой-что после себя оставил!

Вообще Катерина Павловна довольно своеобразно смотрела на русскую историю. Она делила ее на два периода: первый, до убиения боярина Кучки, и второй – после убиения боярина Кучки. До убиения ей представлялся какой-то хаос, в котором мелькали хозары и печенеги, обремененные добычей, но ничего своим детям не оставившие; после убиения наступал московский период, который уже потому был ей известен, что она была уроженка Москвы и, следовательно, отлично знала и Ивана Великого, и Солянку, и Арбат. Особенных подробностей, конечно, и об этом периоде она не могла сообщить, но ей представлялось за верное, что в это время жили всё Иваны Васильичи да Васильи Иваннычи, которые отличались от печенегов тем, что были люди хозяй-

ственные и с добычей обращались умненько.

– Нет, лучше поскромнее, да посolidнее! – заключала она мысленно, – лучше быть каким-нибудь сереньким Васильем Иванычем, чем знаменитостью вроде князя Дедери (так ошибочно называла она славного в летописях печенежского князя Редедю), у которого, пожалуй, и штанов не было!

И решила, что дети ее будут по малой мере градоначальниками, то есть пойдут до известной степени по стопам доблестного родителя, за исключением, пожалуй, Вани, который мог, если хотел, сделаться и Суворовым.

В исполнении этих намерений Катерине Павловне немало помогал Степан Петрович Сапиентов, рекомендованный братцем, князем Кирилою Пустодомовым, как педагог, специально посвятивший себя приготовлению государственных младенцев.

Степан Петрович был явлением довольно обыкновенным в то небогатое людьми время. Происходя из «прискорбных» и кончивши курс в духовной академии, он, при помощи ласковости и пастырского благословения, кое к кому втерся, кое около кого потерся, так что в непродолжительном времени познал даже употребление носового платка. Он уже мечтал о том, как со временем заменит собою Сперанского, но выходящие из ряду педагогические способности помешали ему сделаться государственным человеком.

Издавна замечено, что слишком большое усердие, слишком исключительная специальность скорее мешают, нежели

помогают. Для того чтобы свободно подниматься по лестнице жизни, необходимо отчасти порхать, отчасти скользить по поверхности. Порхающий человек то на один цветок сядет, то на другой – не успеешь оглянуться, а он в результате административный сот. Напротив того, человек усидчивый, обладающий чугунного поясицею, так и кажется, что заведет в трущобу. Я знал очень многих почтеннейших регистраторов, из которых каждый был бы, конечно, не прочь устроить свой собственный сот, но ни один не был к тому допущен именно потому, что слишком уж ревностно записывал исходящие и входящие бумаги. Как только начальство раз убедилось, что человек на известном месте необходим, что без него как без рук, так карьера этого человека кончена. Истинные честолюбцы знают это и потому на каждом встречающемся цветке останавливаются именно на столько времени, сколько нужно, чтоб извлечь из него необходимое в данную минуту количество меда. И таким образом, порхая, играя и летая, допархиваются и доигрываются иногда до должностей весьма приглядных.

Подобного рода неприятность случилась и с Сапиентовым. Репутация его как педагога, специально посвятившего себя приготовлению государственных младенцев, установилась так прочно, что никому даже в голову не приходила мысль о возможности видеть его в другом положении. Конечно, его, для формы, записали в какую-то комиссию, занимавшуюся разработкой «некоторых приличных нашим об-

стоятельствам конституций», но ни до одной конституции не допустили и звания государственного человека не удостоили. Зато кормили домашними обедами, награждали чинами до статского советника включительно и обещали со временем сосватать богатую купчиху. Так он и оставался, в качестве жениха предполагаемой купчихи, видя, как Сперанский мелькает перед его глазами, и горько плачась на неблагосклонность к нему фортуны. В 1812 году фортуна, казалось, улыбнулась ему. Сперанский был обвинен в пособничестве Наполеону – он нет; Сперанский был сослан в Нижний – он нет. Он каждый день ждал курьера... увы! на горизонте действительно взошла новая звезда, но не он, Сапиентов, был этой звездой, а какой-то Крестовоздвиженский или Ризположенский, одним словом, некто такой, кому он еще в семинарии неоднократно задавал вселенскую смазь.

Он покорился.

В таком положении, то есть вполне примирившимся с скромною ролью воспитателя государственных младенцев, мы застаем его в ту минуту, когда братец, князь Федор Пустодомов, познакомил с ним Катерину Павловну.

– А позвольте, сударыня, узнать, какие вы имеете виды на ваших малюток? – спросил Сапиентов, по-видимому придерживавшийся, в деле воспитания, той теории, что малютка – воск, из которого, по усмотрению, можно наделать и крепких в брани генералов, и прилежных ко взысканию недоимок администраторов.

– Откровенно вам скажу, что мне хотелось бы пустить их по штатской, – отвечала Катерина Павловна, – ну, знаете, однако ж, чтоб и рыцарские чувства... не совсем же были забыты...

– В нашем отечестве, сударыня, рыцарские чувства наипаче в чиновническом сословии пребывают. Чувства сии суть: исполнительность и неуклонное хранение вверенной тайности!

– Отец их был губернатором – ну, мне, конечно, хотелось бы, чтоб и они... ну, хоть градоначальниками! Все же, знаете, кусок хлеба... Разумеется, не сразу – сразу, я знаю, нельзя, а исподволь... Я вам должна сказать, что Гриша несколько знаком даже с формами и обрядами делопроизводства!

– Вот как-с!

– Да; мой покойник обращал на этот предмет большое внимание и говаривал, что в нем заключается истинное счастье жизни. Сережа – тот больше по части любознательности. Что-нибудь выведать, высмотреть – вот его дело. И сейчас прибежит ко мне и все перескажет: такой откровенный ребенок!

– Сударыня! если б у нас в каждой губернии было хотя по одному такому откровенному ребенку, то наше благополучие было бы несомненно! Это верно-с.

– Ну, Паша – тот больше к деньгам пристрастие имеет; считает, знаете, копит, занимает, делает разные операции... иногда даже утаивает...

– Может, стало быть, по финансовой части быть деятелем. Но вы пропустили, сударыня, третьего вашего малютку...

– Ах, об Ване, право, не знаю, что и сказать вам. Он больше все с барабаном! Да вот еще на днях выдумал в трубу трубить!

– Что же-с! И по этой части слуги нужны. В садах государственной службы не один мирт произрастает, но и лавр!

– Так-то так, мой почтеннейший Степан Петрович, да все как-то страшно за него. Мирты-то, знаете, прочнее, солиднее. Как в кармане-то густо, так и на свет смотреть как будто веселее. А с этими лаврами и свое как раз спустишь!

– Бывали, однако, сударыня, и иные указания в истории. Сципион Азиатский, например, не только своего не расточил, но даже весьма приумножил!

– Ну, да, конечно, кабы командиром... вот тоже по провиантской части хорошие места бывают... а все же, знаете, по штатской как-то солиднее!

– Что же-с! постараемся в один веночек вплести и лавр и мирт. Как говорит поэт:

И лавр, обнявшись с повиликой... -

Стало быть, это дело возможное-с.

На этом конференция и кончилась.

Не имея в предмете излагать здесь полную систему воспитания государственных младенцев, изобретенную Сапиенто-

вым, я остановлюсь только на той из ее подробностей, которая имеет непосредственное отношение к помещаемым ниже рассказам. Поставив себе задачей возбудить в своих питомцах охоту к мышлению, Степан Петрович непрерывно упражнял их в сочинениях на разные темы. Само собой разумеется, что темы брались преимущественно из сферы административной, к которой, собственно, и готовились молодые люди. «Надобно их постепенно соблазнять», – говорил Сапиентов и шел к своей цели неукоснительно, то есть переходя от легчайших понятий и предметов к труднейшим. Так, на первый раз он задал сочинение на тему: «что такое канцелярская тайна?» И когда этот вопрос был разрешен, то приступлено было к разрешению вопроса последующего: «почему канцелярская тайна необходима?» Потом он задал сочинение на тему о «благосклонности вообще и административной в особенности»; потом: «о спасительной строгости и благомилостивом прощении». Когда же, по его мнению, был удовлетворительно пройден весь цикл административных воздействий, тогда он решил в своем уме, что настало время увенчать здание. «Дети, – сказал он себе, – приобрели весь необходимый материал, который был нужен, чтоб составить отчетливую идею о том, что такое администратор вообще. Попытаем теперь, в какой степени они соблазнены!»

Остановившись на этой мысли, он задал двоим старшим питомцам сочинение на тему: «Добрый служака», а для двоих младших выбрал тему полегче: «Добрый патриот». При-

чину, по которой он почитал эту последнюю тему более легкой, он объяснил Катерине Павловне следующим образом.

– Сударыня! – говорил он, – чтобы написать хорошее сочинение на тему «Добрый служака», надо до известной степени обладать административной практикой, которой ваши младшие птенчики еще не имеют. Между тем упражнение на тему «Добрый патриот» ничего не требует, кроме возвышенных чувств. Поэтому и позволяю себе думать, что в этом случае малолетство автора не только не должно почитаться препятствием, но даже может служить немаловажным подспорьем!

Ответом на заданную тему были следующие ниже сочинения. Они печатаются здесь как с подстрочными замечаниями, сделанными Сапиентовым на полях, так и с общими замечаниями, сделанными им же в конце каждого упражнения.

І. ДОБРЫЙ СЛУЖАКА

Из моих воспоминаний

*(Сочинение 13-летнего Гриши
Младо-Сморчковского)*

Не в весьма давнем времени, однако и не меньше тринадцати лет назад, от благородных родителей произошел на свет молодой человек, получивший впоследствии столь громкую известность¹ под именем Гриши Младо-Сморчковского-первого.

Отец Гриши, действительный статский советник и кавалер Иван Григорьевич Младо-Сморчковский, был в то время -ским губернатором и отличался строгостью и скоростью; мать Гриши, рожденная княжна Пустодомова, славилась красотою, любезными нравами и еще тем, что в совершенстве знала, какой уезд какими произведениями изобилует. Сочетание сих качеств изумительным образом отрази-

---

¹ Не слишком ли самонадеянно сказано о громкой-то известности? И почему «под именем», когда Младо-Сморчковский не псевдоним, а действительная фамилия? *Сапиевтов.*

лось в Грише. Он был строг, быстр, но в то же время не чуждался и хозяйственных соображений².

К сожалению, Гриша совершенно не помнит обстоятельств своего рождения. Должно полагать, что и он не избежал общего горького закона природы, то есть родился наг, беспомощен и некоторое время не мог даже ходить. Помнит, однако, что первый предмет, который обратил его внимание и к которому инстинктивно потянулись его ручки, был «Журнал министерства внутренних дел», издававшийся тогда под редакцией г. Варадинова³.

Заметив в Грише такую особливую склонность к правительственным распоряжениям, родители его не замедлили всячески оную в нем поддерживать и развивать. В шестилетнем возрасте он случайно достал из губернского правления довольно пространный сенатский указ и втайне изучал его; а семи лет, ко дню ангела своего родителя, он уже сочинил рапорт «о том, зачем по присланному из сената указу исполнения учинить невозможно». С тех пор чтение начальственных предписаний сделалось любимейшею его забавой.

Так жил Младо-Сморчковский, возбуждая зависть в старых советниках губернского правления и будучи предметом удивления для поседелого в боях вице-губернатора. Впрочем, отдавшись душою гражданским доблестям, си не прене-

---

² Не знаю, в какой степени можно сказать сие о младенце, едва родившемся. *Can.*

³ Автор предваряет события. *Can.*

брегал и воинскими упражнениями, которые впоследствии тоже принесли ему много пользы. Так, например, к восьми годам он уже знал все построения, какие необходимы для действия против обывателя⁴.

Вообще день этого молодого человека был распределен так: в 6 часов утра пробуждение и умывание холодной водою à la Suwaroff; непосредственно вслед за тем одевание (солдатские брюки и солдатская же грубого сукна шинель) и пение «ура!» [3] – до тех пор, покуда не пробьет семь часов. В семь часов кружка сбитня и кусок черного хлеба. После того, до двенадцати часов, телесные упражнения, ружейные приемы, учение одиночное, однорядное, двурядное и проч. Начальные понятия об атаке. В двенадцать часов молодой человек, возвратившись в свою комнату, подобно всем господам военным, говорил: «ух, устал, как собака!» – и позволял себе полчаса вздремнуть, сидя на стуле и облокотясь головой на правую руку. В час обед, состоявший из солдатских щей с солониной (иногда даже не совсем свежую) и крутой каши. После обеда, вместо рекреации, – пение «ура!»; затем: ружейные приемы, езда марш маршем и «сабли наголо!», при чем всегда присутствовало несколько сверстников, которые представляли внутренних врагов, то есть обывателей⁵. С двух до шести чтение указов и писание рапортов,

---

⁴ Дай бог, но сомнительно. *Can.*

⁵ Непонятно, почему обыватель везде именуется внутренним врагом? Можно назвать врагом: недоимщика, вольнодумца, распространителя вредных и опас-

большую частью «с действительным исполнением», ибо даже в юных годах Младо-Сморчковский-второй никаких препятствий в деле исполнительности выносить не мог. В шесть часов вновь кружка сбитня и затем, до девяти часов, практические упражнения на тему: «кто хочет начальствовать, тот прежде сам должен научиться повиноваться», В этих видах Младо-Сморчковский-второй предлагал кому-нибудь из сверстников, ниже его рангом, что-либо ему приказать и исполнял то приказание слепо; потом, в свою очередь, сам приказывал – и горе тому, кто позволил бы себе хотя на одну черту уклониться от исполнения приказанного. В девять часов утомление и сон...

Такой образ жизни не только укрепил Младо-Сморчковского физически, но и уму его сообщил замечательную прозорливость. Так, будучи девяти лет от роду, он уже начинает замечать некоторые недостатки в управлении своего родителя. Есть скорость, но нет стремительности; есть строгость, но нет непреклонности⁶. Младо-Сморчковский-первый все еще

ных слухов, разглашателя канцелярской тайны – все сии лица мешают свободно административному бегу – но обыватели вообще... отнюдь! Обыватель скорее друг администрации, нежели враг ее. Он платит подати, возит чиновников на обывательских, то есть без прогонов, топит печки в земских судах и городских правлениях, за что пользуется титулом сельского заседателя или ратмана. Вот подлинные занятия обывателя – что же в них враждебного? За всем тем нельзя не сознаться, что и в замечании Младо-Сморчковского-второго есть мысль довольно справедливая. Но оную надлежало развить гораздо подробнее.

Can.

⁶ А со стороны Младо-Сморчковского-второго есть строптивость. *Can.*

как бы оглядывался по сторонам, и хотя нередко говаривал, что рассуждать не следует, однако, по слабости своей, рассуждал⁷. Напротив того, Младо-Сморчковский-второй сразу решил в сердце своем: не рассуждать!⁸ и сообразно с сим начертал план будущей атаки. Когда он взирал, как копается чиновник особых поручений Степнухин, как разводит на бобах правитель канцелярии Подоплеков и как родитель его, вместо того чтобы броситься в атаку и стремительным натиском смять врага, мямлил, отправляя дела в губернское правление для обсуждения... то сердце его обливалось кровью!⁹ И вот, по поводу этого-то мямления произошли первоначальные пререкания между Младо-Сморчковскими – первым и вторым.

Дело началось с почтительных представлений Младо-Сморчковского-второго. Получена была из Петербурга бумага, содержание которой сразу пленило сердце Гриши. Подлинно рассказать это содержание невозможно, но достоверно, что в ней, с одной стороны, нечто принималось в соображение, с другой стороны, нечто не упускалось из вида, и в то же время нечто рекомендовалось особенному внима-

---

⁷ Не по слабости, а по прирожденной наклонности к умствованию. Наклонность сия, хотя и ведет нередко человека к погибели, однако совершенно преодолеть он ее не может. Впрочем, если это и слабость, то она уже потому извинительна, что без помощи ее мы не знали бы, что человек смертен. *Can.*

⁸ А сам рассуждает! *Can.*

⁹ За таковые мысли следует автору изрядно намылить голову. *Can.*

нию. В заключение – смерть врагам!¹⁰

Как уже сказано выше, пламенный юноша Младо-Сморчковский-второй был совершенно очарован плавным и текучим слогом этой бумаги. Он с восторгом повторял затверженные из нее фразы, так что было время, когда родительский его дом ничем другим не оглашался, кроме: «с одной стороны», «с другой стороны», «но в то же время» и т. д. Напротив того, Младо-Сморчковский-первый смотрел на это дело иначе и даже прямо называл новый административный слог развратным¹¹.

Однажды, в седьмом часу вечера, когда Младо-Сморчковский-второй, по обыкновению, принес на просмотр к отцу только что сочиненное им примерное предписание по делу «о новоявленном в некоторой местности буйственном духе», то Младо-Сморчковский-первый, вместо того чтобы похвалить, как это всегда прежде бывало, сказал;

– Эге, любезный! да, кажется, и ты этой развратной галиматье подражать начинаешь!¹²

Младо-Сморчковский-второй смолчал, но, поняв всю силу нанесенного оскорбления, вспыхнул.

– Ну, скажи на милость, – продолжал Младо-Сморчков-

---

¹⁰ Любопытно было бы сию бумагу прочитать, коли она не вымысел авторской фантазии. *См.*

¹¹ Не может быть. Не согласно с твердыми правилами Младо-Сморчковско-го-первого называть бумагу, писанную на бланке, развратною. *См.*

¹² Неправда. *См.*

ский-первый, – разве это не галиматья: «с одной стороны, принимая во внимание обычную в сем звании нераскаянность, с другой стороны, не упуская из вида, что строгость всегда спасительна, я в то же время считаю не лишним рекомендовать вашему благородию, что вы в значительной степени можете улучшить вредное направление умов, если своевременно, незамедлительно и даже нерассудительно скомандуете: в атаку!» Ведь таким манером ты, глупенький, весь народ перебьешь!

– Если он этого достоин, то перебью! – твердо отвечал Младо-Сморчковский-второй.

– С кем же ты после останешься? Ах, глупенький ты, глупенький мальчик!

Как ни сдерживал себя Младо-Сморчковский-второй, но уста его невольно прошептали: старый колпак!¹³

Тогда началось исправление, предпринятое, как впоследствии дознано, по методе г. Миллера-Красовского¹⁴. Пощечины следовали одна за другою [4] с такою неожиданностью, что Младо-Сморчковский-второй не мог даже ничего придумать, дабы отвратить от себя сие бедствие... Но в это время в голове его уже созрел план.

План этот заключался в том, чтобы во что бы то ни стало самому сделаться градоначальником... а быть может, и ми-

---

¹³ Нехорошо. Дурно. *Сан.*

¹⁴ Но какую же иную методу предпринять? Каков проступок, такова и метода. *Сан.*

нистром!

С этой целью он решил: во-первых, покинуть отчий дом; во-вторых, объявиться начальству и откровенно изъяснить ему свои виды и предположения и, в-третьих, заявить решительное намерение не выпускать бразды из рук, покуда хоть один враг останется налицо.

Путешествие предстояло опасное и продолжительное, но Младо-Сморчковский-второй и не скрывал от себя трудностей своего предприятия. Он несколько дней сряду откладывал от своей скудной порции по куску хлеба, высушивал эти куски в печке и, когда сухарей накопилось достаточно, пустился в путь.

В глухую полночь он навсегда покинул теплую постель, чтобы отныне исключительно отдаться административным приключениям!

Он не будет описывать здесь красоты природы, которых, впрочем, было очень достаточно: он не изобразит величественный восход солнца или не менее величественный закат его; он не представит картину бури, в своем разрушительном беге вырывающей с корнями столетние дубы... Все эти предметы были в то время чужды его душе, исключительно поглощенной административными заботами.

Несколько дней скрывался он на городском выгоне в заброшенном кирпичном сарае, питаясь черствыми и заплесневелыми сухарями, утоляя жажду дождевой водой и тая в груди свой замысел. Наконец, опасность погони миновалась,

страхи рассеялись, и Младо-Сморчковский-второй с трудом выполз из своего убежища. Казалось, вожденная цель была близка...

Но провидению угодно было на сей раз отдалить ее. Прежде нежели привести в исполнение обширный свой план, Младо-Сморчковский-второй должен был сделаться атаманом шайки разбойников¹⁵.

Мало кому известно, сколь разнообразны и тяжелы обязанности атамана разбойников. Вставать с зарею, питаться сырыми произведениями природы, скрываться в лесах и пещерах и в то же время нести на своих плечах все бремя хозяйственных распоряжений по содержанию и продовольствию шайки, целый день быть свидетелем пролития человеческой крови, обладать несметными сокровищами и очень часто не знать, какое сделать из них употребление, – какая нужна железная сила духа, чтоб вынести подобное существование! Однако Младо-Сморчковский-второй и эту трудную школу выдержал с честью!

Поступив в разбойники и предвидя, что ему придется совершать поступки, которые могут огорчить его родителей¹⁶, он принял фамилию Туманова. В первый же день он собственными руками зарезал мать многочисленного семей-

---

¹⁵ Нельзя сказать, чтобы автор имел недостаток в фантазии; но направление ее не столько полезно, сколько вредно. Посмотрим, что-то покажет нам дальше сей, кажется, слишком предприимчивый Младо-Сморчковский-второй? *Can.*

¹⁶ Вот первый признак раскаянья! дай-то бог, чтоб он принес вожденные плоды! *Can.*

ства, а ребенку ее раздробил об камень голову¹⁷. На другой день он, под видом отставного солдата, идущего на родину¹⁸, забрался в убогую хижину гостеприимного селянина и ночью, когда все его семейные улеглись спать, Туманов иным отрубил головы, а иных задушил и, забрав значительную сумму золотом и бумажками, возвратился в разбойничий лагерь. Мужество и проворство¹⁹, которые он при этом выказал, доставили ему такую популярность между разбойниками, что вскоре все окрестные леса огласились именем неустрашимого атамана Туманова.

Так проводил свои дни, в непрерывных занятиях, славный атаман разбойников Туманов.

Он уже имел намерение, подобно знаменитому своему предместнику, Ермаку Тимофеевичу, отправиться в какую ни на есть отдаленную страну, с тем чтобы покорить ее оружием России, но не успел еще определить, в каком месте находится упомянутая страна, как фортуна совершенно неожиданно изменила ему. Это случилось именно в то время, когда он разбойничал в знаменитых Муромских лесах.

В разбойничьем таборе сделалось достоверно известно, что через лес должно было проезжать с ревизии некото-

---

¹⁷ Увы! таковых (то есть плодов) не оказывается. *См.*

¹⁸ Автор забывает, что солдат, дабы получить отставку, должен прослужить двадцать пять лет. Какой же он мог иметь «вид отставного солдата», когда ему от роду было не более осьми лет? *См.*

¹⁹ Не мужество и проворство, а зверство и пагубная поспешность проливать кровь. *См.*

рое значительное лицо, обремененное добычею. Разбойники ждали с нетерпением и, разумеется, все свои надежды возлагали преимущественно на Туманова. И действительно, в девять часов пополудни показалась вдали колымага, которую через силу тащила шестерня исправных лошадей: до такой степени она была нагружена сокровищами. Туманов, с несколькими молодцами, засел в канаву и стал выжидать.

Окружить карету, взять лошадей под уздцы, связать руки кучерам и лакеям – все это было делом одной минуты. Но каково было удивление Туманова, когда, отворив дверцы кареты, он увидел там Младо-Сморчковского-первого и жену его! Разумеется, его тоже сейчас же узнали и хотели высечь... Но он, чтоб отвратить от себя сей позор, рассказал ужасную повесть своих злодеяний.

При этом рассказе волосы стали дыбом на убеленной сединами голове Младо-Сморчковского-первого и слезы, оросив глаза, обильными ручьями потекли по высокому челу его²⁰.

– Так ты тот самый Туманов, который навел столь великий ужас на сердца обывателей? – спросил он, когда рассказ был кончен.

– Да; я Туманов.

– В таком случае ты должен забыть, что ты мой сын; я же с своей стороны сделаю распоряжение об отдаче тебя в руки

---

²⁰ Красота слога не должна вредить естественности. Как реки не могут течь вспять, так и слезы не могут катиться снизу вверх. *Can.*

правосудия! Взять этого опасного разбойника!

И вот Туманов, под прикрытием своей новой фамилии, был привезен в соседний город и сдан в острог.

Но он знал, что это не больше как испытание и что впереди его все-таки ожидает блестящая будущность²¹. Поэтому он стал всемерно помышлять о том, чтобы избежать наказания за свои проказы²², совершенно основательно рассуждая, что если он будет бит кнутом, да еще с наложением клейм, то вряд ли тогда приведется ему получить какое-либо место по административной части. С этой целью он начал ежечасно льстить смотрителю острога²³, а между своими товарищами-арестантами в скором времени получил такой авторитет, что, казалось, не было жертвы, которую они не согласились бы ему принести.

Между разнообразными дарованиями, которыми обладал Туманов, одно было в особенности поразительно. Это – проворство, с которым он производил всякого рода фокусы, и та особливая способность к гимнастическим упражнениям, которую он выказывал еще в нежном возрасте детства. Например: он свободно ходил на руках, мог продолжительное время стоять на голове, не встречая при этом препят-

---

²¹ Любопытно было бы объяснить, на каких похвалы достойных поступках было основано сие предвидение? *Can.*

²² Изрядные проказы. *Can.*

²³ Ужели же, наконец, и лесть и все прочие пороки ада свили себе гнездо в сей невинной душе? Страшно подумать! *Can.*

ствия к принятию пищи и питья; эскамотировал полуимперIALы и взамен их предлагал медную монету; глотал шпаги и, наконец, изобрел неистощимую мужицкую спину (впоследствии фокусники, в подражание ему, устроили так называемую «неистощимую бутылку»). Одним словом, делал все, что доброму и прилежному фокуснику делать надлежит²⁴.

Воспользовавшись этою своею способностью, он замыслил весьма обширный план. Он исподволь начал знакомить зрителя острога с зрелищем своих фокусов и, видя, что оные весьма пришлись ему по нраву, усугубил ловкость и, наконец, испросил разрешение устраивать представления в более обширных размерах. Вскоре слава о зрелищах, даваемых в тюрьме, проникла во все закоулки города, так что всякому стало лестно взглянуть на них. Градоначальники, военачальники, участковые, околоточные – словом сказать, вся палата и воинство собирались к нам, как на праздник, посмотреть на наши затеи.

Этого только и надо было Туманову.

В егорьев день были именины зрителя острога, и по этому случаю арестантами в секрете, но не без того, однако ж, чтоб он о сем не знал, приготовлялся ему сюрприз. Сюрприз был изобретен Тумановым и состоял в том, что сорок три человека должны были представить из себя семярусную движущуюся пирамиду. В основании должно было стоять двенадцать самых сильных арестантов, у них на головах

---

²⁴ И что не надлежит делать сыну действительного статского советника. *Сан.*

– десять, потом – восемь, шесть и т. д. Пирамиду увенчивал сам Туманов, который на этой ужасной высоте обязывался показать чудеса проворства и ловкости. Представление положено было сделать во дворе острога, обнесенном со всех сторон каменной стеной четырехсаженной высоты; пирамида должна была отправиться от наружной стены замка, пройти через весь двор и подойти к той части ограды, которая выходила в поле.

Наступил давно ожидаемый день, и когда, после обеда, при собрании всех градоначальников и военачальников, живая пирамида двинулась, то нельзя изобразить тот восторг, который охватил сердца сих невинных людей при виде этого зрелища! Пирамида подвигалась медленно, и Туманову не раз, в продолжение этого шествия, приходило на мысль, сколь непрочны человеческие предприятия вообще и как мало нужно, чтобы и его собственное, столь зрело обдуманное предприятие рассеялось как дым! Достаточно было одного неловкого движения!.. Однако, с божиею помощью, дело окончилось как нельзя лучше. Едва, при взрыве восторженных рукоплесканий, пирамида успела приблизиться к наружной ограде тюрьмы, как Туманов ловким скачком спрыгнул с вершины и в одно мгновение ока очутился по ту сторону тюрьмы. Все это произошло столь быстро и неожиданно, что зрители несколько времени не понимали, думая, что это не больше как продолжение того же представления...²⁵

---

²⁵ Весь этот хитроумный рассказ о Туманове заимствован автором из сочине-

Не будем говорить о чувствах благодарности к Творцу, которые переполняли в эту минуту душу Туманова!

.....

.....

26

После этого мы уже застаем Туманова министром: сначала в не очень большом государстве, куда он был помещен в виде опыта, а потом в государстве более обширном²⁷. Сделавши его министром, ему подчинили всех прочих министров, и он по-прежнему принял фамилию Младо-Сморчковского, с тою только разницей, что назывался теперь уже не вторым, а первым, так как старший Младо-Сморчковский успел в это время скончаться, оплаканный своими подчиненными.

Каким образом совершилось это новое превращение в жизни Младо-Сморчковского-первого – теперь открыть еще не время. Но можно сказать одно: он успел оказать началь-

---

ний С. В. Максимова. Едва ли это не плагиат. *Can.*

²⁶ Что хочет сказать автор этими без пути наставленными точками? Уж не то ли, что цензура ему в сем месте попрепятствовала? *Can.*

²⁷ Желательно бы знать, в каком это «не очень большом государстве» занял Младо-Сморчковский место министра? Да и ни в каком самом маленьком государстве не могло это быть, потому что везде и своих Младо-Сморчковских довольно. Конечно, допускаются иногда исключения, но для сего надобно было бы доказать, что Младо-Сморчковский немецкого происхождения, в чем сильно сомневаюсь. *Can.*

ству некоторые важные услуги²⁸.

Не станем описывать здесь мрачную картину²⁹ административной деятельности Младо-Сморчковского-первого. Многих он сменил, многих отдал под суд, а меры его по взысканию недоимок снискали удивление целого мира³⁰. В течение первых двух суток по каждому отдельному предмету им было выпущено не менее двух предписаний и не меньше как по одному рапорту, а так как предметов было великое множество, то предоставляется читателю самому исчислить, какова была громадность сего предприятия. Впоследствии сами начальники неоднократно сказывали, что содрогались, когда приходила почта, приносящая его виды и предположения"³¹.

Изложим, однако ж, хотя вкратце некоторые замечательнейшие действия Младо-Сморчковского-первого на занимаемом им посту.

Во-первых, сочинил статистику, причем оказалось против прежнего всего вдвое и втрое³².

---

²⁸ Хорошо, кабы так; но опасаясь, что во всем сем нет ни капли правды. *Can.*

²⁹ Кажется, что здесь прилагательное «мрачная» употреблено только для красоты слога. *Can.*

³⁰ Не слышать. *Can.*

³¹ Вот и видно, что выдумка. Какие могут быть у министра начальники, с которыми бы он переписывался по почте? Видно, разбойник-то где ни на есть кварталным надзирателем определен (и то, чай, в немудром каком городке), а сам возмечтал, что он министр! *Can.*

³² А что он с сими излишками сделал? *Can.*

Во-вторых, усилил производительность, а вместе с тем и источники народного благосостояния, неуклонно наказывая нерадивых и через то поселяя в них охоту к труду.

В-третьих, увеличил доходы, открыв для них новый источник в неистощимой мужицкой спине³³.

В-четвертых, обеспечил народное продовольствие, наблюдая, дабы обыватели отнюдь не потребляли сверх действительной надобности и все излишки, не разбрасывая и не расточая, сберегали на предбудущие времена.

В-пятых, обеспечил народное здравие, предложив кому следует наболюсти, дабы обыватели не изнуряли себя непосильными трудами и всегда имели неприхотливую, но вкусную, здоровую и обильную пищу³⁴.

В-шестых, улучшил пути сообщения, не довольствуясь дорогами известными и существующими, но бесстрашно пролагая пути даже там, куда до того времени не заходила нога человеческая³⁵.

В-седьмых, обуздал некоторые пороки и суеверия³⁶.

В-восьмых, обуздал газетчиков и писателей³⁷.

В-девятых, обуздал дух своеволия, а поборников устно-

---

³³ Сей источник весьма не нов. *Can.*

³⁴ *Satur venter non studet libenter* [5]. *Can.*

³⁵ Не всегда полезно. *Can.*

³⁶ Надо поименовать, какие; в противном случае можно подумать, что все сие одно хвастовство. *Can.*

³⁷ При нынешней распушенности весьма нелишне. *Can.*

сти и гласности разослал по городам³⁸.

В-десятых, обуздал лжеучения. Узнав, что в одном городе существует вредная секта нигилистов, собрал последователей оной и предложил им оставить свои заблуждения. Что ими и было в точности выполнено³⁹.

В-одиннадцатых, обуздал неплательщиков, организовав строгое и пространное наблюдение, дабы ни один обыватель не смел ничего ни продать, ни подарить, ни иным образом отчуждить, не испросив предварительно разрешения ближайшего начальства⁴⁰.

В-двенадцатых, обуздал невежество, назначив краткие сроки для приобретения полезных знаний⁴¹.

В-тринадцатых, обуздал безнравственность.

В-четырнадцатых, вообще обуздал обывателей.

Конечно, в этом кратком перечне не поименовано и со-

---

³⁸ Намерение доброе, но успех сомнительный. Разрушительность сих двух стихий столь велика и, так сказать, въедчива, что для действия против нее едва ли достаточно мер строгости и скорости, которыми располагал автор. В тех иных городах, куда автор рассылал поборников устности и гласности, разве они были лишены возможности продолжать свое бесстыдство? Нет, тут надо придумать иную меру – какую, еще не знаю, но, казалось, было бы не весьма дурным, если бы вообще было признано относительно лиц сей категории, что города и селения в самом принципе для них не существуют [6]. Если это будет принято, тогда невольно их будут водворять среди степей, вдали от человеческих жилищ. Впрочем, это только одно предположение. *Can.*

³⁹ Не для вида ли только? *Can.*

⁴⁰ Мысль смелая, но едва ли исполнимая, ибо подобная мера может иметь последствием контрабанду в весьма обширных размерах. *Can.*

⁴¹ Так; но были ли сии знания приобретены? *Can.*

той доли тех действий, которые были предприняты Младо-Сморчковским-первым в видах всеобщего удовольствия, но, кажется, и этого достаточно, чтобы показать, что время его не проходило в праздности. Не надобно забывать, что, кроме того, он был ежедневно обязан:

1) По утрам – делать выговоры и замечания подчиненным, которые, без таких напоминаний, могли совсем опустить руки; 2) по вечерам – производить прогулки и являться на общественных гуляньях, дабы личным примером поощрить обывателей к содружеству и не воспрещаемому законами препровождению времени. Так что, по собственному его выражению, он целые дни кипел как в котле.

Таковы были общие черты деятельности Младо-Сморчковского-первого. Но было еще одно особенное действие, которое нелишне будет изложить здесь с большею против других подробностию.

Обыватели некоторой местности издавна довольно славились тем, что не платили лежащих на них повинностей. Вследствие сего Младо-Сморчковский-первый неоднократно ходил против бунтовщиков походом⁴².

При помощи непоколебимой твердости духа, споспешествуемой продажей скота и пожитков, недоимка была столь

---

⁴² Явное и непростительное смешение всех атрибутов власти. Министры никогда не «ходят походом». На это есть губернаторы и исправники; министры же сидят дома, принимают доклады и по временам ездят в гости. Где же пресловутое знакомство Младо-Сморчковского-первого с формами и обрядами делопроизводства, знакомство, столь нескромно выставляемое им на вид? *См.*

быстро пополнена, что, по-видимому, не оставалось ничего больше желать. Как вдруг до сведения Младо-Сморчковского-первого дошло, что обыватели означенной местности, вследствие якобы крайнего разорения от беспрестанных продаж, оставили земледелие и начали заниматься ремеслами, вовсе не свойственными обывательскому быту. Удостоверившись в справедливости этого слуха и приняв во внимание: а) что Россия есть государство, по преимуществу, возделывающее землю; б) что с упадком земледелия земли постепенно грубеют и делаются неспособными к произрастанию чего-либо иного, кроме сорных трав, и в) что с тем вместе приходят в упадок: народное продовольствие, народное здравие, народное богатство и самая народная нравственность, – Младо-Сморчковский-первый постановил: восстановить земледелие в упомянутой выше местности в его прежнем величии, хотя бы даже в сих видах потребовалось употребить меры строгости.

Прибыв в селение с достаточною командою⁴³ он, дабы не обескуражить обывателей сразу, предварительно предложил им вопрос: почему они оставили свойственное им занятие? И, получив в ответ, что оставили потому, что, за распродажею принадлежащего им скота, стало им нечем навозить землю, нашел такой ответ нерезонным⁴⁴. Тогда произошел следующий замечательный разговор:

---

⁴³ Опять-таки, не министрово это дело. *Can.*

⁴⁴ Ответ можно назвать строптивым, но нерезонности в нем нет. *Can.*

– Ну, а если я прикажу вам сегодня же, сейчас же, сию минуту вспахать и заборонить принадлежащие вам земельные участки? – спросил Младо-Сморчковский-первый, прилично возвысивши голос.

– Воля твоего благородия, а мы не можем!

– Точно не можете?

– Так точно, ваше благородие.

– Жаль-с. Очень жаль-с. Окольные люди! исполняйте ваши обязанности!

Начали исполнять. Со стесненным сердцем смотрел Младо-Сморчковский-первый на сие зрелище, но делать было нечего, потому что надлежало пресечь зло сразу и в самом корне. И действительно, через полчаса было уже доложено, что обыватели, запрягши лошадей в сохи, выехали в поле⁴⁵.

Но этим дело не кончилось. Как только выехал Младо-Сморчковский-первый в обратный путь, так тотчас же принялись обыватели за прежнее своеволие. Надлежало вновь объявлять поход и новыми мерами строгости вразумлять сопротивляющихся. Так продолжалось до трех раз, пока, наконец, поля не были окончательно вспаханы, заборонованы и засеяны, под надзором десятских и сотских. И таким образом, было торжественно восстановлено нарушенное ослушниками земледелие⁴⁶.

---

⁴⁵ А выше было сказано, что весь скот распродан. Откуда же вдруг взялись лошади? *Сан.*

⁴⁶ О сей истории не знаю, что и сказать, по той причине, что результатов не

Такая неусыпная деятельность обратила общее внимание на Младо-Сморчковского-первого. Много было у него врагов и завистников, но всех он преодолел, ибо дела его громко говорили сами за себя. Обремененный почестями и знаками общественного доверия, он жил до глубокой старости, успев, в течение этого времени, вступить в законный брак с княжною Великосветскою и прижив от нее двенадцать дочерей и ни одного сына⁴⁷. Каждой из них он дал в приданое по двести тысяч, что показывает, что капитал у него был немаловажный.

В "Российской родословной книге", составленной кн. Петром Долгоруковым, значится [7]:

Младо-Сморчковский – Григорий Иванович, был министром в двух государствах; женат на княжне Евдокии Федоровне Великосветской. У них:

1) *Евдокия Григорьевна* – в замужестве за камер-юнкером Монсом.

2) *Анна Григорьевна* – в замужестве за кавалером индустрии⁴⁸ Сан Фуа-ни-Луа.

показано. Какую пользу принесло земледелие, лишенное удобрения и произведенное с помощью лошадей неизвестного происхождения? Кажется, что польза сомнительна. Не лучше ли было бы, землю отобрав, отдать ее опытным и благонамеренным помещикам, а нерадивых определить к ним в качестве работников? Предлагаю это разрешение вопроса вниманию автора. *Can.*

⁴⁷ Не рано ли о сем помышлять. *Can.*

⁴⁸ Не слишком же завидную партию сделала сия воображаемая Анна Григорьевна. *Can.*

- 3) *Прасковья Григорьевна* – в замужестве за герцогом курляндским Бироном.
- 4) *Наталья Григорьевна* – в замужестве за графом Кирилою Разумовским.
- 5) *Евпраксия Григорьевна* – замужем за бывшим польским королем Понятовским.
- 6) *Екатерина Григорьевна* – в замужестве за светлейшим князем Потемкиным-Таврическим.
- 7) *Любовь Григорьевна* – в замужестве за графом Дмитриевым-Мамоновым.
- 8) *Юлия Григорьевна* – в замужестве за свирепым временщиком графом Аракчеевым; судилась за жестокое обращение с крепостными людьми.
- 9) *Мария Григорьевна* – вышла по любви за акцизного офицера, но, несмотря на скромную долю, была весьма счастлива и имела множество детей.
- 10) *Ольга Григорьевна* – в замужестве за блестящим французским посланником, герцогом Морни.
- 11) *Надежда Григорьевна* – обратилась в католицизм, отравив сердца родителей. Имела впоследствии огромное влияние на испанскую королеву Изабеллу, под именем сестры Патросинии. Погубив Изабеллу, бежала из Мадрида с уланом и была поймана в Баль-Мабиле [8].
- и 12) *Клавдия Григорьевна* – в девицах; жила процентами с своего капитала.

В 18** году Младо-Сморчковский-первый скончался,

оплаканный многочисленным потомством, знакомыми и подчиненными. Когда тело его, заключенное в богато убранный гроб, было выносимо из дома, то многие из директоров департаментов плакали. Вскоре за ним, не могши перенести разлуку, последовала в могилу и любезная супруга его.

Мир праху твоему, *добрый служака!*

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ НА СЯЕ СОЧИНЕНИЕ

Сочинение сие замечательно тем, что вносит в административную практику весьма предосудительный прецедент. А именно: позволяет думать, что, будучи предварительно разбойником, можно со временем сделаться администратором. Неслыханное это нововведение тем опаснее, что самое сочинение написано слогом правильным и заманчивым, а следовательно, может найти довольно количество легкомысленных последователей и прозелитов.

Это первое. Но можно сказать еще нечто не вполне похвальное и о полете фантазии авторской.

Полет фантазии, конечно, служит украшением для всякого словесного упражнения, и пределы ему в этом случае указать довольно трудно. Чем больше риторических украшений, тем больше неожиданностей, а чем больше неожиданностей, тем сильнее возбуждается удовольствие. Это бесспорно. Но дело не в границах полета фантазии, а в его характере. Если характер полета возвышенный, то пределы ему даже по-

лагать было бы безрассудно. Так, например, известный наш ветеран и поэт, Ф. Н. Глинка, в своей поэме "Капля", бог знает чего не написал, но никто сему никогда не удивлялся, потому что полет автора имел характер возвышенный. Точно то же и Державин.

Ступит на горы – горы трещат!

Станет на воды – воды кипят! -

сказал он, и хотя в сем поступке воспеваемого им героя не видится никакого вероятия, тем не менее полет фантазии все-таки прекрасен, ибо возвышен. Совсем иное дело, если авторский полет имеет в предмете действия обыкновенные, так сказать средние. В этом случае оный хотя и не неуместен, но должен до некоторой степени подчиниться правилам, предписываемым правдоподобием. В сем отношении разбираемое сочинение весьма подлежит критике. Автор, очевидно, хотел изумить читателей разнообразием выдумок, но, взявши для них основанием дела самые простые и не удержавшись притом в границах правдоподобия, весьма своей затее повредил. Не говорю уже о том, что должности разбойника и администратора не токмо не однородны, но даже и по внешнему своему выражению весьма различны; не говорю и о других невероятных выдумках, как, например, о каком-то «не очень большом государстве» и проч. Все это само говорит за себя. Но обращаю внимание автора на спи-

сок дочерей, который он привел в конце своего сочинения. Независимо от того, что возможность иметь двенадцать дочерей (почему не сыновей? из них, по крайней мере, могли бы выйти полезные слуги!) дана не всякому; но, предположив даже, что это подлинно так было, спрашивается: каких супругов автор определил к своим дочерям? Во-первых, некоторых таких, о которых достоверно известно, что они совсем в браке не состояли, и, во-вторых, таких, которые хотя и состояли в браке, но с девицами других фамилий, о чем, конечно, и «Российская родословная книга» князя Долгорукова не умалчивает. К чему же может привести столь грубый обман? Не к тому ли естественному последствию, что читатель, наскучив непрерывным несогласием написанного с тем, что ему достоверно известно, и все прочее причтет к такому же обману, не воспользовавшись даже теми чертами, которые вполне несомненны и истинны. Пушкин сказал:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Это так; но нужно прежде всего разрешить себе: когда обман возвышает? А вот когда: тогда, когда его нельзя обличить, или, по крайней мере, когда этому обличению полагают пределы некоторые мероприятия и распоряжения. При этом условии обман не только в совершенстве заменяет истину, но даже принимает ее название и для отличия от истины,

тины настоящей (для всех очевидной и потому *низкой*) называется истиною *высокою*. Но можно ли сказать что-либо подобное о тех вымыслах, которыми наполнено разбираемое сочинение? Позволительно ли, например, допустить, чтобы кого-нибудь возвысил, или утешил, или возбудил в ком-нибудь жажду подвигов такой обман, как причисление Младо-Сморчковского-первого себя в родню герцогу Морни? Нет, допустить этого ни под каким видом нельзя, ибо брак герцога Морни у всех на памяти и, следовательно, рассчитанная на сей случай спекуляция есть предприятие не весьма надежное.

В заключение рекомендую автору обратить особое внимание на те примечания, писанные на полях его сочинения, в которых порицается непочтительность его к родителям. Знаю, что в новейших руководствах поименовывается некоторый авторский прием, называемый объективностью, и что молодой автор может, пользуясь сим, сделать изворот и сказать, что он в этом случае был объективен и покорялся духу времени. Но не мешало бы, чтобы на сей раз самая объективность явилась более субъективною, то есть согласовалась с теми правилами, которые внушались автору любезною его родительницею. *Сапиентов*.

II. ДОБРЫЙ СЛУЖАКА

*(Сочинение 12-летней Серези
Младо-Сморчковского)*

Не помню, когда я родился; знаю только, что в это время отечество было в опасности. Папаша вздыхал, мамаша плакала и говорила: "вот попомните мое слово, что эти господа (она разумела здесь: Новосильцева, Строгонова, Чарторыйского и Сперанского⁴⁹, то есть известный в то время *comité du salut public* [9]) сведут Россию в бездну погибели!" И действительно, скоро сделалось известным, что над папашей назначена строжайшая сенаторская ревизия.

Трудно передать здесь все бедствия, которые испытали по этому случаю мои почтеннейшие родители; довольно будет, если я скажу, что папаша должен был уделить значительную часть из собранной прежде добычи, чтоб удовлетворить духу времени. А дух был, поистине, ужаснейший. Все требовали конституций, все хвалились мятежными нравами, все говорили о каких-то правах, и никто не мог достоверно объяснить, что именно означают сии новые для нас выражения.

---

⁴⁹ Сей один был всему злу корень; он опутал своими сетями прочих невинных. *Can.*

Это был модный разговор, за который в то время не только не наказывали, но даже награждали хорошими и доходными местами. Одним словом, все ходили ощупью, ища конституций и не находя их.

Я знал, например, одного полковника, который об этом предмете знал не больше других, но получил генеральский чин и прекрасное место по комиссариатской части за то только, что в одном рапорте ввернул⁵⁰ следующую фразу: «обуреваемый духом свободы, вверенный мне батальон жаждет сразиться с врагами оной». По этому одному примеру можно судить и о прочем.

Наконец, однако, здравая политика восторжествовала. Папашу не только оставили на прежнем месте, но еще похвалили, а к либералу-полковнику (которого перед тем, за мятежный дух, произвели в генералы) пришел от графа Аракчеева запрос: приносит ли он чистосердечное раскаяние?⁵¹ Разумеется, он поспешил в трогательных выражениях ответить, что вперед не будет, и дело было покончено только тем, что его несколько раз обошли чином. Все радовались и ликовали (а во главе всех и преступный полковник), как бы празднуя победу над внутренним врагом⁵².

---

⁵⁰ Тривиально. *Сан.*

⁵¹ Граф Аракчеев никогда, никого и ни о чем не спрашивал, а прямо воздавал кому что надлежит. *Сан.*

⁵² Сии враги, кажется, слишком большую роль в семействе Младо-Сморчковских играют. *Сан.*

Этот возврат к началам здоровой политики чудесным образом совпал с вступлением моим в зрелый возраст.

Еще будучи ребенком, я выказывал довольно замечательные наклонности. Я любил следить за направлением умов, охотно, под видом игры, прислушивался к разговорам в девичьей и на кухне, а так как это занятие требует весьма прилежного выведыванья, то можно сказать смело, что времяпровождение мое было самое разнообразное. Решившись что-нибудь вызнать, я обыкновенно принимал вид весьма простосердечный и невинный, а нередко даже представлял из себя человека с возвышенными чувствами. Вскоре я так хорошо успел в этом искусстве, что не только посторонние, но даже иногда я сам не мог отличить, когда я лгу и когда говорю правду⁵³. Этим путем я приобретал множество самых разнообразных сведений, и когда примечал, что можно сделать из них небесполезное употребление, то охотно делился своими наблюдениями с старшими.

К такому раскрытию истины меня побуждало еще и то, что за всякую открытую мною истину мне давали или сладкий пирожок, или конфекту, а когда я однажды открыл в девичьей весьма важный заговор⁵⁴, то мне сделали даже новую курточку. Впоследствии эта откровенность моя сделалась столь известною, что меня нигде иначе не называли, как

---

⁵³ Не знаю, что и сказать о сей способности. Посмотрим, какое ей будет дано употребление. *Can.*

⁵⁴ В чем состоял сей заговор? Желая знать. *Can.*

откровенным ребенком, а многие начали даже опасаться моего слишком открытого нрава.

И вот однажды (когда я уже пришел в зрелый возраст), к мамаше приехал генерал, весь вышитый золотом, и потребовал секретной аудиенции. Разумеется, как только они скрылись в соседней комнате, я сейчас же приложил ухо к дверной скважине и услышал следующий разговор⁵⁵.

– Сударыня! – говорил вышитый золотом генерал, – до сведения моего дошло, что у вас есть сын замечательной любознательности и удивительно откровенного характера?

– Да, генерал, – отвечала мамаша, – могу сказать, что бог именно благословил меня в этом ребенке!

– Если все, что про него рассказывают, справедливо, то это будет совершенная находка! Можете себе вообразить, как обрадуется наш князь!

– Не смею хвастаться, но думаю, что это действительно замечательный юноша. Например, я вполне уверена, что он даже в настоящую минуту подслушивает нас!

– Не может быть!

– Попробуйте убедиться! Но предупреждаю вас, генерал, что вряд ли вы уличите его, потому что он мастерски умеет хоронить концы в воду!

Послышалось осторожное движение стульями и потом

---

⁵⁵ Зачем? Позволительно и даже полезно прислушиваться к речам преступным, но нельзя было предположить, что таковой характер имел разговор любезнейшей родительницы автора с почтенным генералом. В сем случае подслушивание составляет уже дурную привычку. *См.*

шаги. Я, разумеется, тотчас же отпрянул, и когда дверь внезапно отворилась, то я уже с беспечным видом прохаживался по зале, насвистывая какую-то песенку. Генерал улыбнулся, покачал головой и пробормотал:

– Изумительно!!

– Я вижу, сударыня, – продолжал он к сияющей счастьем мамаше, – что дальше скрываться от этого юноши было бы бесполезно. – Итак, приступим к делу прямо. В непродолжительном времени, в каждой из наших провинций предполагается поместить по одному откровенному ребенку... друг мой! отвечай мне искренно, согласен ли ты принять на себя звание откровенного ребенка в П***?

– Согласен, – отвечал я, – но с одним условием.

– С каким же?

– Чтобы откровенность моя была сокровенною.

– Ты угадал мою мысль! Итак, по рукам! Поезжай с богом! вот тебе на дорогу деньги; посылай сейчас же за лошадьми и скачи! Ибо враги не дремлют!

Сказано – сделано. Я обнял рыдающую мать, перецеловал братьев и сестер и поскакал.

Таким образом было положено начало тем блестящим успехам, которые ожидали меня в будущем.

Еще дорогой я успел нечто наблюсти. Так, например, на одной станции смотритель открыто выражал недовольство правительством за дожди, которые в то время размыли дорогу и делали переезды весьма трудными. На другой станции

встретился мне вольнодумный ямщик, певший романс профессора Мерзлякова:

Я лиру томну строю
Петь скорбь, объявшу дух,
Приди грустить со мною,
Луна, печальных друг! ⁵⁶

Разумеется, все эти наблюдения были записаны мною на особой бумажке.

Приехавши в П***, я немедленно приступил к делу, то есть начал стороной выведывать, в каких отношениях находится губернский предводитель к губернатору, не разжигают ли акцизные чиновники народных страстей [10], какого рода конституции изготовляют чиновники контрольные и проч. и проч. Полученные результаты были весьма для меня неожиданны. Оказалось, что губернатор и губернский предводитель дворянства живут душа в душу и угощают друг друга обедами, что акцизные чиновники, не помышляя о пропаганде либеральных идей, мирно пользуются присвоенными им окладами, контрольные же чиновники под словом "конституция" разумеют первые четыре правила арифметики.

Вообще это губерния весьма необыкновенная. Как только въезжаешь в границы ее, так уже чувствуешь, что пахнет

---

⁵⁶ Романсы профессора Мерзлякова приятны и располагают к чувствительности, вольнодумства в них нет. Впрочем, приведенный выше романс принадлежит совсем не Мерзлякову, а Капнисту. *Can.*

съестными припасами, и слышишь кругом раздающееся чавканье. Все ест, или отдыхает от еды, или вновь об еде помышляет. Всякое сословие лакомится свойственными ему лакомствами. Рогатый скот изобильно откармливается бардою и дурандою; мужики (в урожайные годы) едят хлеб и по праздникам саломату с маслом; купцы и мещане пристрастны к пирогам; дворяне насыщаются говядиной, телятиной и поросятами, пьют квас, водку и наливки; духовные лица находят утешение в рыбе; чиновники ко всему изложенному выше прибавляют трюфли и тонкие французские вина. Результаты такого социального устройства угадать нетрудно; это спертость в воздухе, осовелость в обывательских глазах и не совсем большая прочность семейных уз.

Это последнее обстоятельство было очень важно, ибо, воспользовавшись им умненько, я мог вывести заключение "о непризнании брачного союза". Такие находки делаются не каждый день. Я начал вникать и исследовать.

Анализируя день обывателя час за часом, я открыл, что он распределяется следующим образом. В восемь часов – пробуждение и затем, до девяти, чай с булками, маслом и вчерашним жарким; нередко, однако ж не каждодневно, – умывание. От девяти до одиннадцати – домашние исправительные наказания, прогулка по комнатам, посвистывание, хлопанье себя по бедрам и так называемая еда походя с прикладываньем к графинчику. В одиннадцать часов – настоящий завтрак с водкой, причем съедается какое-нибудь мелкое жи-

вотное или большая птица. От двенадцати до трех – визиты, или, лучше сказать, непрерывное закусывание в разных домах. В три – обед с водкой и наливкой, а у чиновников и с французским вином, причем съедается несколько больших и малых животных и в соразмерности рыб и птиц. В четыре часа – осование, продолжающееся до шести и прерываемое употреблением впросонках квасу. В шесть – тоска, излечиваемая рюмкой водки. От семи до осьми – чай с булками и давешним жарким. В осемь – игра в карты, а так как, в той же комнате, на особом столе, всегда находится приготовленная закуска, то пользование и ею. В одиннадцать – ужин и затем сон.

Но где и как проводит ночь обыватель?

Исследуя этот вопрос, я удостоверился, что он спит не дома, а там, где застанет его прихотливый вкус. Я заводил с обывателями разговоры, старался вызнать, случайно ли вкоренилась между ними столь неряшливая привычка и не видится ли тут влияния разрушительных противосемейственных доктрин?.. Но оказалось, что о семейном союзе они рассуждают не только здраво, но по временам даже чувствительно!! Что ж я узнал! что все эти ихние поступки не от чего другого происходят, как от простосердечной небрежности в различении своих логовищ от чужих! что всему причина не философия, а еда и большое употребление горячих напитков⁵⁷.

---

⁵⁷ Принимая во внимание юный возраст автора, казалось бы, что исследования

Такое открытие не могло не огорчить меня⁵⁸. Я ждал весьма много неожиданностей, а встретил мирный сон обывателей, сопровождаемый постепенным питанием! Я ждал сокровенных мыслей и недозволенных начальством мечтаний, а увидел, что самые глаза сих людей протестуют против всякой мысли о каких-либо мечтаниях⁵⁹.

Немного найдется таких, кому известно, как трудны, а подчас и несносны занятия, сопряженные с званием Откровенного Ребенка. Ходить дни и ночи в слякоти, под дождем и снегом; не без опасности прислушиваться дверей и скважин; заводить знакомство с кучерами, кухарками и прочей прислугой; стараться разгадать смысл всякого шороха, уловить всякое движение, остановить на лету всякую мысль, осуществить всякое слово – никто, конечно, не скажет, чтобы такая задача была по силам каждому! Но что, бесспорно, всего труднее – это прикидываться либералом! Если даже в чужих устах мятежное слово уже кажется достойным примечания, то в устах своих собственных оно просто-напросто изумляет и приводит в страх. Слышишь себя проповедую-

---

сего рода для него преждевременны. *Can.*

⁵⁸ Не огорчить, а утешить оно должно было, потому что в том много есть утешительного, если люди хотя и довольно дурно поступают, но не по злонамеренности, а от душевной простоты. *Can.*

⁵⁹ Если автор надеялся за свои открытия получить награду, то огорчение его понятно. Но в таком случае он должен был перепроситься в другую губернию, где мечтателей в изобилии. Во всяком разе, желать насаждения мечтательности в таких губерниях и уездах, где ее нет, едва ли согласно с правилами той здоровой политики, о которой упоминается в начале сочинения. *Can.*

щим разрушительные идеи и не веришь ушам своим. В ту минуту, когда бьешь себя в грудь и с налитыми кровью глазами (необходимая принадлежность всякой разрушительности) доказываешь пользу революций, – в эту минуту, говорю я, готов сам на себя написать извещение, сам готов понести заслуженное за дерзость наказание!

Да; не дай бог даже врагу испытывать подобные, единственные в своем роде минуты!⁶⁰

Вообще о либеральном яде скажу, что он до крайности въедчив. Иногда начинаешь защищать его довольно притворно, но, постепенно разгораясь, вдруг входишь в такой неожиданный восторг, что мысли, не признавая над собой никакой власти, начинают как бы кружиться и рассыпаться по всей голове. Не знаешь, где ложь и где правда; хочешь замолчать – и все говоришь; хочешь сказать такое-то слово – а выходит совсем другое. И если такая практика случается часто и притом не обладаешь достаточно твердыми правилами, то не успеешь и оглянуться, как впадешь в нигилизм. Примеры таковых падений бывали, и довольно нередкие. Я знал одного полковника, который долгое время притворно бил себя в грудь, а кончил тем, что прекратил веру в бессмертие души. Другой подобный же случай был с одним генералом: этот первоначально с весьма похвальной целью начал прочитывать либеральные сочинения, а под конец наострился так, что сам стал довольно порядочно (по-ихнему) доказы-

---

⁶⁰ Весьма похвально. *См.*

вать пользу вредных наук.

Но я не отчаивался и выжидал. В это время дошло до моего сведения, что в городе П. образовалась довольно опасная секта, носившая странное название "оглашенных недорослей". Устроив наскоро обсервационный пункт, я открыл, что кодекс этой секты состоял из нижеследующих двух пунктов: 1) считать себя от наук независимыми и убеждений не иметь и 2) стремиться и достигать. В состав секты принимались преимущественно молодые люди с бесстыжим характером, которые собирались по ночам и предавались необузданной пляске, прерывая ее криком: "фить!"

Я был поставлен в самое фальшивое положение.

Как смотреть на нежелание учиться? Полезно оно или вредно? – на этот счет я никаких указаний не имел. Я знал, конечно, что науки разделяются на полезные и вредные⁶¹, но знал также, что науки, во всяком случае, существуют и что часть их не без пользы преподается даже в казенных заведениях. И вдруг – ни одной! Несколько раз я призывал господ сектаторов к себе, пробовал усовещивать и увещевать, но всегда без пользы. Бесстыжие молодые люди с своей стороны небезосновательно⁶² возражали, что если одну науку признать, то необходимо будет признать и прочие.

---

⁶¹ Желательно было бы, чтоб автор подробнее указал основания такого деления наук. *См.*

⁶² Никак нельзя этого сказать, ибо: Науки юношей питают, Надежду старцам подают. Все дело состоит лишь в том, чтобы с расчетом определить способы питания, дабы молодое древо не могло пойти в сук. *См.*

То же самое и относительно убеждений. Я знал, что существуют убеждения полезные и убеждения вредные, но чтобы могло не быть никаких убеждений – того не знал. Тем не менее и по этому случаю я усовещивал и увещевал, но получил в ответ, что так как каждый человек свое убеждение непременно считает полезным, то, дабы прекратить всякие по сему предмету пререкания, обществом оглашенных недорослей определено: все вообще убеждения считать одинаково вредными. Что также было не совсем безосновательно.

Но ежели сомнение было еще дозволительно относительно наук и убеждений, то оно возрастало в мучительнейшей степени при разъяснении слов: "стремиться и достигать". К чему стремиться? Чего достигать? Не заключается ли тут, например, покушения на целость государства? Чтобы вполне убедиться в этом, я решился лично присутствовать на одном из собраний и с этою целью сбрил себе усы и оделся в трико (бальный ихний костюм).

Собрание открылось в полночь и началось танцами ("оглашенные" собрались во множестве, и притом обоего пола), сопровождавшимися некоторыми соблазнительными движениями, которые, однако, довольно мне понравились. Потом шло поклонение богине невежества, которую представляла весьма красивая женщина, стоявшая на возвышении. Она пела французские известные романсы: "à moi l'pompon!", "et j'frotte et j'frotte et aliez donc!" [11] и другие, воспевая в них сладость освобождения от наук. Присутству-

ющие подпевали и, придя в восторженное состояние, выражали свою радость зверскими криками. Однако и это мне довольно понравилось, тем больше что в промежутках разносили конфеты, фрукты, бутерброды и прохладительные напитки. Но вот запели третьи петухи, и сцена внезапно изменилась. На лицах изобразилась сосредоточенная кровожадность; руки были простерты вперед, как бы устремляясь нечто схватить и растерзать.

– Господа! начинается игра в губернии! – прогремел голос президента собрания посреди воцарившегося молчания.

"Стремиться и достигать"! – вспомнилось мне.

– В настоящее время две губернии находятся в обнаженном состоянии, – продолжал президент и назвал при этом одну губернию, в которой, при тщательном уходе, может произрастать виноград, и другую, в которой между прочими богатствами природы обитают раскольники⁶³.

Вся зала затрепетала.

– Чья очередь травить? – вновь возгласил президент.

– Моя! моя! – раздалось со всех сторон.

Все ринулись к возвышению, на котором стоял президент, и все вдруг заговорили. Смятение было неописанное; слышались мольбы, угрозы, упреки; одни скрежетали зубами, другие подставляли ноги, третьи падали, и вновь поднимались, и вновь падали... Постороннему человеку могло показаться, что это даже и не игра, а серьезное дело. Я насилу

---

⁶³ Раскольников нельзя причислять к богатствам природы. *См.*

унес ноги.

Подозрения мои насчет посягательств на целостность государства оправдались. Самовольство господ "оглашенных" в распоряжении частями империи было столь явно, что я в первый раз в жизни встревожился. Они целыми губерниями располагали с такою же непринужденностью, с какою я располагал теми из подаренных мне игрушек, которые, вследствие долговременных детских истязаний (некоторые подвергаются даже неразумному процессу сосания), делаются окончательно никуда не годными. Тем не менее, несмотря на очевидную опасность, я счел нужным предварительно прибегнуть к увещанию.

– Господа! – говорил я им, – вы не признаете наук – я охотно готов смотреть на это сквозь пальцы! Вы не видите пользы в убеждениях, и с этим я, пожалуй, могу помириться! Но я не могу допустить, чтоб вы играли нашими прекрасными губерниями, как я играю моими старыми игрушками!

С этими словами я удалился.

Как видится, я делал весьма важную уступку; быть может, я пошел бы и дальше, то есть оставил бы дело без огласки, если б благородные юноши остепенились. Но они не унимались; тайные сборища становились все более и более шумными, а крик "фить" раздавался с такою нескромностью, что многие обыватели встревожились. Тут же, как на грех, в "Московских ведомостях" появилась статья с предостерегающим характером.

Далее я молчать не мог⁶⁴.

Но каково было мое удивление, когда я через несколько времени получил ответ, что замеченная мною "игра в губернии" известна весьма давно и, заменяя игру в дураки, служит для благородных юношей завидным препровождением времени. Что же касается до слова "фить!", то и оно может заставить трепетать только злых и коварных, добрых же и благонамеренных должно, напротив того, укреплять в их простосердечии.

Признаюсь!!

Но делать было нечего; хоть и удивителен показался мне этот ответ, но надлежало переменить тактику. И вот тут-то я выказал те чудеса изобретательности, которым впоследствии удивлялся сам Наполеон III⁶⁵.

Я понял, что предметом моей деятельности должны быть "злые и коварные", и решился разом изловить их всех.

В этих видах я распорядился следующим образом:

Во-первых, увеличил число моих добрых товарищей в такой мере, что вскоре на каждого обывателя считалось по одному доброму товарищу⁶⁶ [12].

---

⁶⁴ Автор вообще не обладает искусством полагать различие между прошедшим, настоящим и даже будущим. В то время, о котором идет речь, «Московские ведомости» статей с предостерегающим характером не писали, да и ныне не пишут, а имеют писать таковые, когда поступят под редакцию М. Н. Каткова. *Can.*

⁶⁵ Едва успели справиться с первым злодеем, как уже автор сулит еще двоих! Сродно ли это патриотизму благородного дитяти? *Can.*

⁶⁶ В видах исполнения обязанностей полезно; но не произойдет ли вреда для

Во-вторых, для большей удобства, снабдил моих сподвижников кастетами и сортидебалями и каждому из них вручал по отмычке, с помощью которой можно было отпереть всякий замок.

В-третьих, приобрел несколько сподвижников женского пола, которые своими приятными манерами могли вызывать дерзкий образ мыслей.

Сделавши все это, я крикнул: "загоняй!" – и сел себе спокойно дожидаться обильного улова.

Но подобно рыбаку, раскидывающему на большое пространство дорогостоящий рыболовный снаряд и уловляющему с его помощью лишь пискаря, я должен был обмануться в моих ожиданиях. Скажу более: я не уловил и пискаря.

Как я ни напрягал мой слух, ничего не долетало до него, кроме чавканья. Казалось, все сговорилось, чтоб испортить мою карьеру. Тщетно мои сподвижники мужского пола действовали отмычками (кастеты были так дурно сделаны, что тотчас же оказались негодными), а сподвижники женского пола расточали ласки: дело всегда кончалось тем, что первых напаивали пьяными, а вторых увозили к Излеру⁶⁷.

Возникли даже сомнения в моем искусстве и опытности. "Не может быть, – писали мне, – чтобы не было ни коварства, ни злоумышления; злодеи везде во множестве, но вы или не

земледелия, промышленности и ремесл, если половина граждан будет заниматься тайным наблюдением за другой половиной? *Can.*

⁶⁷ Это еще кто такой? *Can.*

можете, или не хотите накрыть их..."

Что было мне делать?

Не раз обращал я взоры на предводителей дворянства и постепенно разжигал их самолюбие, думая этим путем возбуждать в них либеральные чувства, но постоянно встречал ответ, что самолюбивые предводители водятся только в губерниях нечерноземных!

Не меньше того занимали меня и гимназисты, которым я давал понять, что, по нынешнему образованному времени, в некоторых государствах уже не родители детей секут, а наоборот⁶⁸ [13], но они отвечали, что они бы и рады, но навряд ли родители до сего их допустят⁶⁹.

Других же элементов коварства не было.

Тогда я решился на отчаянное средство. В молодости моей⁷⁰ я читывал, что настоящие заговорщики собираются всегда по ночам и что местами сборищ, по преимуществу, бываюют или старинные замки, или оставленные развалины, или, наконец, леса. Там, собравшись на полянах или под каменными сводами мрачных подземелий, они злоумышляют при свете потаенного фонаря. Но так как у нас нет ни замков, ни развалин, то я посягнул направить шаги мои в лес [14].

Я не в силах изобразить чувство священного ужаса, овла-

---

⁶⁸ Вот как! Сие известие столь ново, что не мешает об нем сообщить мамаше автора. *Сан.*

⁶⁹ И я так думаю. *Сан.*

⁷⁰ Да и теперь не весьма древний старик. *Сан.*

девшего мной при виде сих столетних свидетелей стольких злодеяний! Сколько ужасных тайн поверено их безмолвию! Какую прекрасную карьеру мог бы сделать тот, кому удалось бы исторгнуть хоть часть этих тайн! Я шел бодро. Звезды блистали в вышине, как бы освеща⁷¹ картину несчетных таинственностей, которых театром служил этот лес. Всеобщее ужасное безмолвие внезапно оглашалось то пронзительным свистом хищной птицы, то яростным ревом зверя или жалобным стоном раздираемой им жертвы. По временам, между деревьями, мелькали привидения. Кто знает? Может быть, это были неоплаканные души убитых здесь жертв? Или, быть может, какие-нибудь благодетельные духи, предостерегавшие запоздалого путника от грозившей ему опасности?..

Я шел, и слезы струились из глаз моих. Я вспомнил мою мамашу и милых братьев, которые в эту самую минуту, вероятно, почивали сном невинности в своих маленьких, теплых кроватках...⁷² «Что я такое? – говорил я себе, – какая ужасная судьба тяготеет надо мною? За что должен я выносить пронзительную сырость ночи, изнемогать под палящим зноем дня, освежаться лишь зефирами, выслушивать дикий рев зверей и, быть может, со временем быть ими растерзанным? Ужели я должен пасть жертвою административной таинственности?»

---

⁷¹ Не как бы освеща⁷¹, а действительно освеща⁷¹. *Соп.*

⁷² Хорошо. Похвально. *Соп.*

Имею ли я чувствительную душу и сердце, способные трепетать? Да, я доказываю это ежедневно своим кротким поведением и покорностью, с которой исполняю приказания доброй родительницы. Сверх того, я не недоступен и красотам природы. Отчего же я делаюсь свиреп и кровожаден, как только вступаю на путь таинственности? Отчего душа моя делается недоступною для жалости и сердце никаких других зрелищ не просит, кроме зрелища последних содроганий⁷³. Увы! это тайна, которую не мог разгадать даже я, несмотря на то что много лет служил по секретной части...

Я был одет поселянином и для большего сходства держал в руках лукошко, как бы собирая в него грибы⁷⁴. Таким образом, никто ничего заподозрить не мог.

Я бодро шел и прислушивался. Сначала все было тихо и никаких признаков злоумышления не примечалось. Но по мере того, как я углублялся в чащу, успех делался очевидным. Во мне заговорил внутренний голос, который всегда говорит, когда что-нибудь предвидит важное. И действительно, вскоре мой слух был поражен звуками голосов.

– Непременно надобно его уничтожить, – говорил неизвестный голос, – потому что, если мы и теперь его упустим по-намеднишнему, он нас в разор разорит!

---

⁷³ Жалкое смешение похвальных чувств с непохвальными! Необходимо устроить строгое самонаблюдение, дабы налицо остались одни похвальные. *Can.*

⁷⁴ По ночному времени, едва ли хитрость сия может быть названа натуральною. *Can.*

– Нужно теперь жеребий кинуть, кому стрелять! – отвечал другой, тоже неизвестный голос.

Я остановился как вкопанный; потом, с быстротою кошки, влез на столетнюю сосну и на вершине ее устроил наблюдательный пункт. Вид, который открывался передо мной, был очарователен. Прямо расстилалась небольшая полянка, блистающая изумрудами и как бы сплошь покрытая перлами росы; направо и налево сплошной стеною дремали широковетвистые дубы, как бы охраняя полянку от нескромного взора; вдали вился смеющийся ручеек, отражая в своих прихотливых извилах мириады звезд. Я был умилен: я был готов простить. Не знаю, сколько времени я плакал, покуда, наконец, чувство долга взяло верх над чувствительностью. Я взглянул вперед и увидел двух заговорщиков, стоявших в глубоком безмолвии. Оба были одеты в крестьянских одеждах; один из них держал ружье на прицеле. Прошло томительные полчаса; я почти не дышал и с трепетом прислушивался к биению моего сердца. Вдруг послышался треск, сперва отдаленный, потом все ближе и ближе. Из леса вышел громаднейший медведь из породы стервятников, но это был, разумеется, не медведь, а знаменитый принц Шарман, обращенный в медведя злым волшебником. Узнав его, я замер...

– Стреляй! – раздалось во тьме ночной [15].

– Ни с места! – вскричал я, вне себя от ужаса.

Не помню, как я не слез, а скатился с дерева и очутился около заговорщиков; не помню, как я перевязал злодеев и

отвел их в часть⁷⁵. Я был в таком энтузиазме, что сам не понимал, что делаю. Помню только, что принц плакал и обнимал меня (он вдруг из медведя сделался красивейшим принцем), называя своим спасителем.

На первом допросе злодеи, конечно, ни в чем не сознавались; но по мере того, как их секли и кормили селедками, сделались весьма откровенными. Тут я открыл столько разветвлений, что сердце мое навсегда окаменело для жалости. Тут я впервые и совершенно невольно произнес то самое слово "фить!", против которого я столько ратовал и которое охотно повторяю и теперь в важнейших случаях.

Это блистательное дело принесло мне сто тысяч рублей и утвердило мою репутацию на незыблемом основании⁷⁶. Происшествие это как раз совпало с приготовлениями к перевороту 2 декабря, который впоследствии совершен был во Франции искусною рукою Наполеона III. Потребовалась вдруг большая масса людей, умеющих владеть кастетами и сортидебалями [16]. Я не задумался ни на минуту и по первому вызову полетел во Францию, приняв фамилию мосье Мушара [17], так как не знал подлинно, понравится ли моя выходка доброй мамаше⁷⁷. Ловкость и разнообразие, с которыми я применял кастет, были таковы, что изумили даже

---

⁷⁵ Должно думать, нарочно для сего случая в лесу была выстроена? *Can.*

⁷⁶ Все сие весьма неправдоподобно. И вымысел имеет свои пределы. *Can.*

⁷⁷ Конечно, не могла понравиться, ибо даже подумать больно, что Млад-Сморчковский мог оставить отечество без разрешения. *Can.*

графу Морни. Само собою разумеется, что я получил весьма важное место при перевороте.

За это дело я получил пятьдесят тысяч франков из собственных рук... из чьих? – чувствительное твое сердце, конечно, само подскажет тебе, добрый читатель!

Он улыбался, а я... я мог только плакать!

Я положил: эти пятьдесят тысяч (все английским золотом, ибо Англия, желая окончательно унижить Францию, не мало способствовала перевороту 2 декабря) хранить навсегда в шкатулке, подаренной мне... кем? – но, наверное, и это подскажет тебе твое сердце, добрый читатель!⁷⁸

Приняв прежнюю фамилию Младо-Сморчковского, я возвратился в отечество.

В это время я впервые почувствовал, что и для меня наступило утомление, этот неизбежный спутник той изнурительной деятельности, которой я предавался в течение всей моей жизни. Я понял, что настало время, когда я могу следовать моим наклонностям лишь на свободе, то есть не всегда и не во всяком случае, ко лишь тогда, когда сам сюжет невольно увлечет меня за собою. Я предложил руку и сердце прелестной маркизе де ла Кассонад [18] и, получив за ней пятьсот тысяч в приданое, удалился от дел.

Ныне я живу в имении моем, в Пензенской губернии, Саранского уезда, который, во время известной крестьянской катастрофы, благодаря благосклонному содействию соседа

---

⁷⁸ Стало быть, и процентов на них не получается? *Сан.*

моего, тайного советника Ж***, попал в число наименее оскорбленных относительно высшего размера крестьянских наделов⁷⁹. В имении моем нет ни одного клочка земли, который не приносил бы сторицею, а единственная гора, изобилующая песком и глиною, отдана в надел. Сверх того: я владею золотыми приисками в Сибири и прелестнейшей дачей на южном берегу Крыма, которая, сверх удовольствий, ежегодно доставляет мне на пятьдесят тысяч рублей виноградного вина. Детей своих я воспитываю в страхе божем.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ НА Сие СОЧИНЕНИЕ

Мысли, руководившие сочинителем, весьма похвальны, слог гладок и местами увлекателен, знаки препинания расставлены верно... но и за всем тем впечатление, производимое на душу читателя, нельзя назвать ни полным, ни совершенно удовлетворительным.

Во-первых, выбор карьеры сделан весьма неудачно. Благородные юноши охотнее имеют дело с лаврами и миртами, нежели с кастетами и отмычками. Не отрицаю, сии последние орудия тоже могут быть во многих случаях полезными, но употребление их по назначению обыкновенно предоставляется людям с низкими свойствами души. Возьмем для

---

⁷⁹ Столь все сие таинственно, что невозможно читать без размышления. Но даже и при размышлении нет никакой руководящей нити. Решительно, надо эту манеру оставить. *Can.*

сравнения хоть хлеб; никто, конечно, не скажет, что он бесполезен, однако приготовлением его занимаются хлебопеки, а не действительные статские советники. Сии последние не производят, но потребляют, а ежели, по временам, и производят, то не иное что, а токмо действия, приводящие душу в умиление, как, например, способствуют изданию законов, как сенатор Трощинский, или бряцают на лире, как Державин.

То же должно сказать и о подслушивании, составляющем основной элемент избранной автором карьеры. Оно необходимо, но не всегда безопасно, и потому лучше предоставить оное людям низкого звания.

Во-вторых, неудача в выборе карьеры невольным образом увлекла автора к исследованию некоторых непристойностей, которые ему еще довольно рано знать. Трудно понять, откуда он мог почерпать столь обстоятельные сведения о сем предмете, но можно подозревать, что они составляют плод частого обхождения в лакейской и девичьей. Юность в сем отношении весьма бывает опрометчива. Гоняется за эфемерными удовольствиями, которые доставляет зрелище вольного обращения здоровых парней с краснощежими девицами, – и небрежет существенным, то есть науками! увлекается манящим видом цветущей поверхности – и не видит бездны!!

В-третьих, о приведенных в сочинении двух примерах заговоров не знаю, что и заключить, но кажется, что это выдумка не весьма вероятная. Что такое эта "игра в губернии",

заменившая, по словам автора, игру в дураки? и каким образом принц Шарман, превращенный злым волшебником в медведя, мог вдруг вновь обратиться в принца Шармана и обнимать спасшего его от смерти автора? Если автор имел некоторый чародейственный секрет, то он должен был оный изложить. Впрочем, едва ли могут даже существовать такие секреты, которые в состоянии были бы сделать из медведя что-либо другое, кроме дикого зверя. Вот почему подобных вольностей лучше всего остерегаться.

И еще замечено: большое пристрастие к деньгам и слишком свободное ими распоряжение. *Сапиентов.*

ДОБРЫЙ ПАТРИОТ

*(Сочинение 10-летнего Вани
Младо-Сморчковского)*

У одной старой слепенькой кротихи родился маленький кротик. И этот кротик был большой шалун, потому что очень часто выбегал из своей норы, чтобы порезвиться там, где ему казалось просторнее и светлее. И вот однажды старая слепенькая кротиха возвращается раньше обыкновенного домой с ношею самых спелых орехов, которые она каждый день собирала про запас на зиму, и не застаёт в норе маленько-

го кротика. И вот можете себе представить отчаяние бедной слепенькой матери, у которой только и была одна опора в старости! И бог знает, что она не передумала до той минуты, покуда не воротился маленький кротик на сей раз, однако ж, благополучно.

– Но зачем же ты, друг мой, убегаешь из нашей норы? – упрекнула его старая слепенькая кротица.

– Да мне, маменька, здесь скучно! – отвечал неопытный маленький кротик.

– Но отчего же тебе, глупенький, скучно?

– Да тут у нас, маменька, и сыро, и тесно, и темно, а там, наверху, аленькие цветочки цветут, пестренькие птички поют, ветерочки теплые дуют и светит ясное солнышко!

– А-а-ах! глупенький ты, глупенький! – молвила старая слепенькая кротица, покачивая головой, – да знаешь ли ты, что эту сырую и темную нору ты должен любить больше всего на свете!

– Да почему же, маменька?

– А потому, что это твое отечество!

Конец.

Педагогическая отметка. Мысль не дурна, и язык зверей употреблен весьма к месту! Но кратко, и потому на будущее время надо стараться быть более обстоятельным. Еще одно замечание: союзы не всегда употребляются правильно, а в

иных местах есть даже лишние. *Сапиентов.*

ДОБРЫЙ ПАТРИОТ

(Сочинение 8-летнего Паши Младо-Сморчковского)

Однажды милая мамаша взяла Пашу Младо-Сморчковского за головку и спросила:

– А знает ли эта маленькая головка, что такое значит добрый патриот?

– Нет, милая мамаша, – отвечал Паша, – не знает, потому что она маленькая!

И милая мамаша поцеловала Пашу и отпустила гулять.

Конец.

Педагогическая отметка. Наверное, гулять не отпустила, но, быть может, оставила без последнего кушанья. И маленькой головке стыдно не знать вещь столь обыкновенную. На будущее время подобные оправдания, ни в каком случае, не будут приняты во внимание. *Сапиентов.*

ПРИМЕЧАНИЯ

«Испорченные дети». Впервые – журн. «Отечественные записки», 1869, № 9.

"Испорченные дети" написаны летом 1869 г. в Витенева, подмосковном имении-даче Салтыкова, в то же время и в той же обстановке, в каких создавалась "История одного города", с которой "Испорченные дети" связаны тематически и рядом деталей. Однако из двух главных тем знаменитой летописи Глупова – власть и народ, в "Испорченных детях" разработана в определенном аспекте и без трагического элемента лишь первая, что и обусловило различие в тональностях этих произведений, несопоставимых, разумеется, и по своей общей масштабности. В "Испорченных детях" осмеянию предается собственно лишь государственная администрация царизма, бюрократия высокой служебной иерархии.

После того как в собственном сложном опыте Салтыковым были изжиты (или почти изжиты) утопические расчеты на общественно-преобразующие возможности службы в государственном аппарате царизма, аппарат этот предстал перед ним в виде механизма административно-полицейского насилия, управляемого людьми-автоматами – *испорченными* людьми. Механизм этот еще представлял "*физически*" (политически) грозную силу. Но в идейном отношении, с точки зрения высоты взглядов демократа и социалиста, это была

сила внутренне исчерпавшая себя и потому "*призрачная*", по философско-исторической терминологии Салтыкова. С этой уясненной силой можно было уже не спорить по существу, а отрицать ее оружием сатирического заклеяния и осмеяния.

Салтыков часто обращался в своем творчестве, в сатирических целях, к формам и "жанрам" государственно-административной, канцелярско-бюрократической и прочей деловой "прозы" Школьные "сочинения" воспитанников и "замечания" и "отметки" педагога в "Испорченных детях" являются одной из разновидностей этого приема. Вместе с тем подстрочные замечания педагога Сапиентова и его заключительные резюме играют особую роль в рассказе, несколько сходную с ролью Глумова в произведениях Салтыкова в 70-80-х годах. Ремарки Сапиентова, в которых "серьезно" обсуждаются и оцениваются исполненные небылиц и фантазий "сочинения" "испорченных детей", помогают дешифровать эзопов язык сатиры.

Ряд страниц рассказа несет на себе отпечаток поисков "исторической формы" для создававшейся в то же время летописи города Глумова. Следы выработки этой формы более всего заметны в *списке замужеств дочерей Младо-Сморчковского-первого* (из первого рассказа «Добрый служака»).

Своим остроумным матримониальным списком Салтыков "роднит" героя-разбойника рассказа с реальными фигурами русской истории, с властительными временщиками, фаво-

ритами, вельможными проходимцами и авантюристами русского XVIII века, а отчасти и XIX. Упомянутые в списке замужеств камер-юнкер *Монс*, герцог курляндский *Бирон*, граф *Кирила Разумовский*, бывший польский король *Понятовский* (последний польский король Станислав-Август, отрекшийся от престола по требованию Екатерины II), светлейший князь *Потемкин-Таврический*, граф *Дмитриев-Мамонов*, наконец *Аракчеев* – все это хорошо известные имена тех, в большинстве своем «темных людей» XVIII столетия, которые, «попав в случай», делались всесильными фаворитами, жестокими временщиками, фактическими распорядителями судеб народов Российской империи. Гротескным приемом «списка», родственного знаменитой «Описи градоначальникам...», Салтыков расширяет рамки сатиры, подводя ее к граням широких обобщений «Истории одного города», и еще раз свидетельствует свое неуважение к прошлому и настоящему «первого сословия в империи» – российского дворянства.

Другого своего "героя", министра-авантюриста, Салтыков сближает с иными историческими фигурами – с такими типичными представителями западноевропейских авторитарных режимов, как испанская королева *Изабелла II* и герцог *Морни*, клевет Наполеона III. Салтыков всегда живо интересовался французскими политическими делами и, так же как Гюго и Герцен, не упускал возможности «дать еще один пинок» тому, кто «с шайкой бандитов сначала растоптал, а по-

том просмердил Францию» («За рубежом»). Этим объясняется и обильное использование в «Испорченных детях» злободневных фактов западноевропейской хроники.

Предисловие, открывающее рассказ, знакомит читателя с семейством Младо-Сморчковских и с педагогом Сапиентовым. В наброске «группового портрета» Сморчковских гротескно-комически изображены «основы» семейственности в среде дворянско-служебной элиты. В таких семьях дети с пеленок подготавливались к высокой административной карьере своих отцов. Домашними учителями, помимо иностранцев, туда часто приглашались воспитанники духовных учебных заведений (предполагалось, что они менее заражены «вольномыслием», чем студенты университетов). Таков и Сапиентов – специалист по воспитанию «государственных младенцев». Само имя педагога указывает на его происхождение "из прискорбных", то есть из духовного звания: оно образовано от латинского sapientia (ум, мудрость) по типу фамилий, сочинявшихся в бурсах и семинариях для их питомцев. Стиль замечаний Сапиентова пародирует слог педагогов семинарской выучки, памятный Салтыкову по Московскому дворянскому институту, где было немало учителей духовного происхождения.

В характеристике "маленького Вани": "терпеть не мог никакой мелодии, кроме мелодии барабана; наконец, ел и пил всякую дрянь", и в описании его делового дня – "пробуждение в шесть часов утра", "усиленная маршировка", "подвер-

ганье самого себя наказаниям" и др. – присутствуют черты, которыми Салтыков характеризовал в *журнальном тексте* «Истории одного города» градоначальника Перехват-Залихвватского («Отечественные записки», 1869, № 1, стр. 286) и которые год спустя в развернутом виде будут переданы характеристике Угрюм-Бурчеева (там же, 1870, № 9, стр. 99). Химерический строитель «города Непреклонска» также «вставал с зарею» и «тотчас же бил в барабан», «ел лошадиное мясо», наконец, «по три часа в сутки маршировал на дворе градоначальнического дома, один, без товарищей, произнося самому себе командные возгласы и сам себя подвергая дисциплинарным взысканиям и даже шпицрутенам...». Эти гротескно-сатирические зарисовки «подвижников» воинского духа вызывали в сознании читателей-современников, с одной стороны, фигуры суровых князей-воинов Древней Руси, как их изображала летопись и на ее основе «История Государства Российского» Карамзина, входившая в те годы в адаптациях в школьные программы и потому хорошо известная, а с другой стороны – эксцентрическую фигуру Суворова. Рассказы мемуаристов и повествования историков-беллетристов об аскетически-бивуачном образе жизни, о подвигах физической и духовной самодисциплины великого полководца и о его чудачествах печатались тогда во многих изданиях. (Имя Суворова несколько раз названо в «Испорченных детях»; «История Государства Российского» Карамзина цитируется анонимно.)

В той же части "Испорченных детей", в описании Младо-Сморчковского-первого, встречаем слова: "Есть скорость, но нет стремительности; есть строгость, но нет непреклонности". Нечто очень близкое уже было использовано Салтыковым в начальных главах "Истории одного города", а именно в программной речи Брудастого (Органчика): "Натиск, – сказал он, – и притом быстрота. Снисходительность и притом – строгость. И притом благоразумная твердость" ("Отечественные записки", 1869, № 1, стр. 287 и ел.). Краткость и энергия этих начальнических сентенций также, по-видимому, связана пародийно с суворовской лаконично-афористической манерой говорить и писать. Однако сатирическая цель здесь не Суворов. Почти механические речи градоначальника-автомата, доведенные в своем пределе до двух выкриков "не потерплю!" и "разорю!", – фразеологическая прелюдия к той истории "ошеломлений" глуповцев начальством, к которой сведена вся жизнь в "злосчастной муниципии".

Фабула *первого сочинения* на тему «Добрый служака» – фантастические похождения атамана разбойников Туманова, подготавливающие его будущую государственно-административную деятельность. Смысл каждого из его административных действий и их совокупность резюмируется словами: «вообще обуздал обывателя». В салтыковской сатире эти слова служат одной из формул обличения и заклеяния полицейской сути государственного аппарата царизма.

"Сочинение сие... – дешифрует мысль автора "замечание" Сапиентова, – позволяет думать, что, будучи предварительно разбойником, можно со временем сделаться администратором". Проведение такой мысли в печати было политически смелым шагом. Оно привлекало внимание читателя к одной из застарелых язв царистского режима. Произвол, коррупция, хищничество и самоуправство провинциальной администрации были в конце 60-х годов исключительны, особенно на окраинах империи, в Польше и Прибалтике, на Кавказе и в Средней Азии, где самодержавие проводило русификаторскую, усмирительную и колониально-завоевательную политику, вскоре изображенную Салтыковым в образах "Ташкента" и "ташкентцев". Но и среди высшей администрации внутренних губерний, находившихся в полной досягаемости для правительственного контроля, было немало крупных чиновников самой низкой гражданской морали и поведения. Одного из них, человека с уголовным прошлым, хорошо знал Салтыков и лично. Это был пензенский гражданский губернатор В. П. Александровский, "помпадурство" которого (1862-1867) совпало частично с пребыванием Салтыкова в Пензе на посту управляющего казенной палатой (1865-1866). "Испорченные дети" в биографическом отношении многим обязаны пензенским наблюдениям Салтыкова (см. далее).

Возвышение Туманова, сделавшегося главным министром, которому подчинены все прочие министры, объясня-

ется тем, что он "успел оказать начальству некоторые важные услуги". Здесь затронута одна из характерных черт политического быта самодержавия, как и любой другой автократической власти: полицейские услуги режиму как ступени административной карьеры. Таков был, например, путь таких государственных деятелей России (лично известных Салтыкову), как Яков Ростовцев, бывший декабрист, в решительный момент отошедший от движения и сообщивший правительству о готовящемся восстании, и Мих. Муравьев, также ренегат декабризма, усмиритель польского восстания 1863 г.

Тут же, в первом сочинении, указан другой источник комментируемого текста – литературный. В одном из "примечаний" Сапиентова читаем: "Весь этот хитроумный рассказ о Туманове заимствован автором из сочинений С. В. Максимова". Салтыков имеет в виду этнографические очерки С. В. Максимова "Сибирь и каторга", печатавшиеся под разными для каждой части названиями в "Отечественных записках" за 1869 г. Очерки содержали множество материалов, изображавших уголовные деяния сибирских правительственных чиновников и администраторов. Воспользовался Салтыков у Максимова и рядом сюжетных мотивов и деталей. Так, весь эпизод со спасением Паши Туманова из острога путем фокуса" с живой пирамидой почти текстуально "заимствован" у Максимова; у него же взята и сама фамилия героя – Туманов (в очерках Максимова случай с бегством арестанта Туманова отнесен к Тобольскому острогу).

Преписательства Младо-Сморчковских – первого и второго – по поводу канцелярского слога, являются одним из откликов салтыковской сатиры на реформаторскую деятельность Комитета по сокращению делопроизводства и переписки, учрежденного при министерстве внутренних дел еще в 1853 г. и действовавшего 50 начала 1861 г. Предписания и циркуляры Комитета, ломавшие архаические форму и стиль старого, еще XVIII века, приказного Делопроизводства, целое десятилетие волновали чернильно-вицмундирный мир. Использование самых матерых штампов канцелярского и делового языка царской бюрократии для ее же осмеяния и заклеяния – один из эффектнейших приемов в салтыковской сатире. В "Испорченных детях" он представлен в обыгрывании выражений: "С одной стороны", "с другой стороны", "но в то же время", "употребить меры строгости", "о том, зачем по присланному указу исполнение учинить невозможно" и т. д.

Второе сочинение на тему «Добрый служака» написано «откровенным ребенком». "*Откровенный ребенок*" – политическая полиция царизма и ее секретные сотрудники, осведомители – штатные и добровольные. Правительственная и общественная реакция конца 60-х годов предъявила большой спрос на людей такой профессии и такого «призвания». «Откровенный ребенок» – своего рода первоначальный набросок знаменитого «ташкентца, обратившегося внутрь», выведенного Салтыковым в очерке «Они же», который дол-

жен был появиться в «Отечественных записках» через месяц после «Испорченных детей», но не появился, так как был вырезан цензурой из ноябрьской книжки журнала за 1869 г.

Поход правительства против "неблагонадежных элементов" в провинции, горячка полицейского сыска и наблюдения "на местах" – основной предмет сатирической критики во втором сочинении. Гротескные образы и ситуации воспроизводят те реальности политического быта в стране периода резкого обострения реакции, которые были вполне сравнимы с созданиями сатирической фантазии Салтыкова.

Третье сочинение является, по существу, первой в творчестве сатирика сказкой о животных – жанр, который он стал разрабатывать позднее. Сказка «о кротихе и кротике» содержит примечательные высказывания Салтыкова об отечестве – России, как о «сырой и темной норе», которую, однако, должно «любить больше всего на свете». В этих словах – голос самого Салтыкова, одно из бесчисленных выражений его «тоскующей любви» к своей стране.

Комментарии

[1] «Иди! спасай царей!» – В злободневном плане это восклицание являлось эзоповским откликом на царистские «адреса» и призывы, во множестве посылавшиеся раболепными верноподданными Муравьеву (Вешателю) в дни, когда он был назначен председателем Верховной комиссии по делу

неудачно стрелявшего в Александра II Каракозова. В историческом же плане восклицание, вырвавшееся у Екатерины Павловны в момент, когда она наблюдала, «какие трудные походы» ее Ваня заставлял делать своих оловянных солдатиков, ассоциировалось с А. В. Суворовым, его Итальянским и Швейцарским походами (1799), предпринятыми в рамках борьбы Павла I с революционной Францией, во имя восстановления в ней монархии. Еще ближе к призыву «спасай царей» роль, сыгранная Суворовым в усмирении крестьянского восстания под водительством Пугачева.

[2] "Разграбив имущества ... возвращались восвояси, обремененные добычей". – Из "Истории Государства Российского" Н. М. Карамзина (1766-1826).

[3] ...пение "ура!"... – обычная салтыковская парафраза для обозначения царского гимна.

[4] ...по методе г. Миллера-Красовского. Пощечины следовали одна за другою... – Эта "метода" была изложена ее автором, надзирателем Гатчинского Николаевского сиротского института, в книге "Основные законы воспитания", вышедшей еще в 1859 г., но не забытой и спустя десятилетие. Педагог-обскурант рекомендовал добиваться послушания детей посредством "сильного моментного действия", то есть пощечин.

[5] *Satur venter non studet libenter* – латинское изречение, ставшее пословицей: "Сытое брюхо к учению глухо".

[6] ...если бы вообще было признано относительно лиц

сей категории, что города и селения в самом принципе для них не существуют. – Отклик на усиление репрессивных мер режима после и в результате выстрела Каракозова. Призванный в 1866 г. к руководству политической полицией новый шеф жандармов и начальник III Отделения, граф П. А. Шувалов, прозванный за грозное всевластие "Петром IV" и "Аракчеевым II", расширил географию административной ссылки для участников революционного движения в пользу малонаселенных глухих мест империи.

[7] В "Российской родословной книге", составленной кн. Петром Долгоруковым, значится... – Возможно, что Салтыков имеет в виду не только "Российскую родословную книгу" (четыре выпуска, СПб., 1855-1857), но и заграничные генеалогические сочинения памфлетного характера того же автора, изгнанного правительством из России (1859), в которых Долгоруков разоблачал не только генеалогические фальсификации, но и многие другие темные стороны из прошлого и настоящего виднейших аристократических фамилий и сановников России. Но книги эти: "Notice sur les principales familles de la Russie", "La Vérité sur la Russie" и др. – находились в России под запретом, и говорить о них в печати было нельзя. Упоминаемый ниже в списке кавалер индустрии Сан Фуа-ни-Луа (без веры и закона, беспардонный – *франц.* – sans foi ni loi) – сатирический персонаж.

[8] Характеристика одиннадцатой дочери является откликом на не остывшие еще ко времени писания "Испорченных

Детей" крупные политические события в Испании: в 1868 г. революция свергла с престола королеву Изабеллу II. Она бежала в Париж вместе со своим придворным и фаворитом Марфори. Царствование и само имя этой королевы стали символами террористического режима. Ярая католичка, Изабелла вместе с тем ввела при своем дворе нравы, превосходившие своей распущенностью "галантный быт" французской аристократии XVIII в. Ее наставницей была монахиня Патросиния, еще более жестокая и развратная, чем сама королева. Баль-Мабиль – модное увеселительное заведение в Париже 60-х годов.

[9] ...она разумела здесь: Новосильцева, Строгонова, Чарторыйского и Сперанского, то есть известный в то время *comité du salut public*... – Сатирический яд заключается здесь в том, что название руководящего органа якобинской диктатуры периода Великой французской революции – Комитет общественного спасения – применено к Негласному комитету – неофициальному совещательному органу при Александре I, в который входили "молодые друзья" царя: гр. П. А. Строганов, кн. А. Е. Чарторыйский, гр. В. П. Кочубей и Н. Н. Новосильцев. При участии Негласного комитета был проведен ряд умеренно-либеральных реформ. Не входивший в Негласный комитет М. М. Сперанский разрабатывал в 1807-1812 гг. проект о придании самодержавию формы конституционной монархии.

[10] Приехавши в П***, я ...начал стороной выведывать,

в каких отношениях находится губернский предводитель к губернатору, не разжигают ли акцизные чиновники народных страстей... – Отражение связанных с Пензой фактов и ситуации. Об этом свидетельствуют официальные и строго секретные документы – служебные донесения в III Отделение графу Шувалову от главы политического надзора в Пензе, жандармского штаб-офицера подполковника А. Глобы. Таково, например, донесение от 12 января 1866 г., озаглавленное "О неприязненных отношениях, возникших между пензенским губернатором Александровским и тамошним губерньским предводителем дворянства Араповым", и др. (Центральный государственный архив Октябрьской революции; журн. "Каторга и ссылка", 1931, кн. 5).

[11] ...известные романсы: "à moi l'pompon!", "et j'frotte et j'frotte et aliez donc!" – Две популярные в конце 60-х гг. фривольные песенки, исполнявшиеся французскими шансонетками на гастролях в Петербурге.

[12] Во-первых, увеличил число моих товарищу. – Добрые товарищи – агенты тайной политической полиции. Первое распоряжение "откровенного ребенка" близко к такому, например, факту действительности, запротоколированному в записи дневника Никитенко от 7 февраля 1867 г.: "Граф Шувалов вносил два проекта в Государственный совет. Один по поводу того, что все Поволжье исполнено дурного духа, и потому необходимо все это пространство оцепить жандармскими агентами, разделив их на группы <...>. Другой про-

ект его касался усиления карательных мер против тайных обществ и против зловердных покушений в земских собраниях" (А. В. Никитенкодобрых товарищей в такой мере, что вскоре на каждого обывателя считалось по одному доброму. Дневник, т. 3, Л., 1956, стр. 73).

[13] Не меньше того занимали меня и гимназисты ... в некоторых государствах уже не родители детей секут, а наоборот... – Еще одно отражение пензенских впечатлений Салтыкова. Общий эзоповский подтекст комментируемого заявления администратора но секретной части" выясняется в связи с тем обстоятельством, что и сам Каракозов, и руководитель революционного кружка, из которого он вышел, – его двоюродный брат Ишутин, и ряд других видных членов того же кружка – Загибалов, Странден, братья Федосеевы, Юрасов – были воспитанниками пензенской гимназии и пензенского дворянского института. Поэтому политическое наблюдение за пензенскими гимназистами и другими учащимися особенно занимало "жандармский пост" Пензенской губ. Более же частный подтекст комментируемого места связан с получившим широкую огласку пензенским инцидентом конца 1864 г. – пощечиной, нанесенной гимназистом шестого класса Николаем Кузнецовым директору гимназии, крайнему обскуранту и насадителю казарменных порядков Шарбе. Салтыков знал всю эту историю от самого Кузнецова, в судьбе которого принял большее участие (С. Кузнецов и В. Шварев. Из новых материалов к биографии М. Е. Салтыко-

ва-Щедрина. – Альманах "Земля родная", Пенза, 1951, кн. 7, стр. 132-133; "М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников". Гослитиздат, М., 1957, с; р. 504 и след.).

[14] ...я читывал, что настоящие заговорщики собираются всегда по ночам <...>, я посягнул направить шаги мои в лес. – "Сцена в лесу" стилистически пародирует французские "романы тайн". Непосредственным толчком к написанию "сцены" и следующих за нею строк, посвященных государственному перевороту 2 декабря 1851 г., передавшему в руки Луи Наполеона всю полноту власти, послужили впечатления Салтыкова от чтения книги Эжена Тено *Paris en Décembre 1851*".

[15] ...громadнейший медведь ... был, разумеется, ... знаменитый принц Шарман ... – Стреляй! – раздалось во тьме точной. – Принц Шарман (волшебный принц – от франц. le prince scharmant), персонаж французских народных сказок, служит Салтыкову для обозначения Наполеона III, а гротескно-комический эпизод спасения принца и освобождения от злых чар намекает на "волшебства" авантюристической биографии императора Франции, в частности на "чудеса" его способов снискания популярности в народе. Один из таких приемов, описанный в книге Тено (см. выше), состоял в инсценировке "покушения" на самого себя и последующего "чудесного спасения".

[16] Потребовалась вдруг большая масса людей, умеющих владеть кастетами и сортидебалями. – Намек на участие па-

рижской полиции в государственном перевороте 2 декабря 1851 г. и в провозглашении Луи Наполеона императором 2 декабря 1852 г. Сортидебаль – вечерняя женская накидка; здесь: бытовое название "накидок-плащей" французских полицейских (франц. – *sortie de bal*).

[17] Я ... полетел во Францию, приняв фамилию мосье Мушара ... Ловкость и разнообразие, с которыми я применял кастет, ... изумили даже графа Морни. – Мосье Мушар (шпик – франц. *mouchard*) – анонимная маска-символ, указывающая на созданную Луи Наполеоном атмосферу угроз, интриг и провокаций тайной полиции, в которой он готовил свой переворот. Герцог де Морни – лицо историческое, брат (по матери) Луи Наполеона, в качестве министра внутренних дел сыграл роль фактического руководителя переворота 2 декабря 1851 г. В 1856-1857 гг. Морни был послом Франции в Петербурге, где путем шантажа женился на русской аристократке с большим состоянием, княжне Трубецкой. Салтыков и намекает здесь на все эти факты и обстоятельства.

[18] Маркиза де ла Кассонад – маркиза Сластёна (франц. – *cassonade*).

С. А. Макашин